

ББК 63.3(2)51 4 651
Ч 651

ISBN 5-85887-231-X

Ответственный редактор
Т.М. Симбирцева

Комментарии
СВ. Волкова

Художник серии
К.Е. Журавлев

Чиркин СВ.

Ч 651 Двадцать лет службы на Востоке: Записки царского дипломата. — М.: Русский путь, 2006. — 368 с, ил.

ISBN 5-85887-231-X

Впервые публикуются воспоминания СВ. Чиркина (1875-1943) — дипломата Министерства иностранных дел Российской империи, служившего в странах Востока (Персии, Индии, Корее). Роль и влияние России в этих странах в начале XX века, революционные события в Туркестане, бегство автора из страны в 1920 году и жизнь его семьи в эмиграции в Корее — все это нашло яркое и образное отражение в записках, предоставленных для публикации сыном автора.

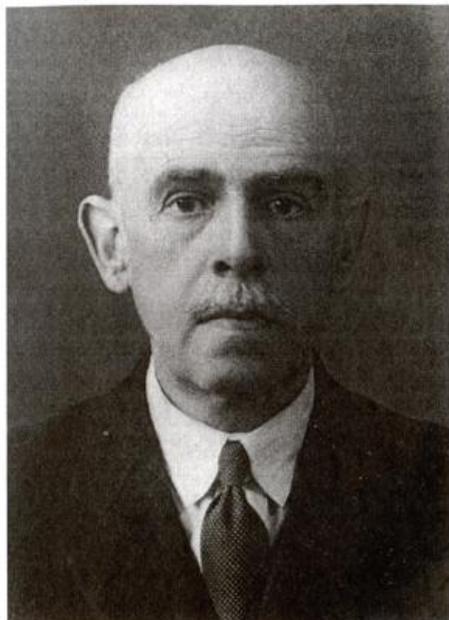
ББК 63.3(2)51

© К.С. Чиркин, 2006
© К.Е. Журавлев, оформление, 2006
© Русский путь, 2006

С.В. Чиркин

Двадцать лет службы на Востоке

Записки царского дипломата

Русский путь
Москва
2006

Об этой книге

Все для меня полно значенья,
И отголоски давних дней
Держу, как ценные каменья
В ладонях памяти моей.
Как дорога мне горстка эта —
Минувшего нетленный след,
Источник несказанный света,
Душа невозвратимых лет.

Предлагаемые вниманию российского читателя настоящие дневники принадлежат перу моего отца — дипломата Министерства иностранных дел Российской империи Сергея Виссарионовича Чиркина (1875-1943) — и освещают 13-летний период его службы: в Иране — стажер миссии в Тегеране (1903), секретарь консульства (1904), генеральный консул (1905) в Исфагане, секретарь генерального консульства в Бендер-Бушире (1904), в Индии — управляющий генеральным консульством в Бомбее (1907-1910) и Корее — секретарь генерального консульства в Сеуле (1911-1914). В последние годы своей службы (1915-1920) отец являлся дипломатическим представителем Российской империи при региональном правительстве Туркестана и жил в Ташкенте. Революционные события в России оборвали его карьеру. В 1920 году, опасаясь за свою жизнь, вместе с женой Натальей Николаевной, урожденной Ефремовой, он бежал в Иран и после скитаний, в 1921 -м, оказался в Сеуле, по-японски — Кэйдзэ. Здесь отец прожил до своей смерти в 1943 году и был похоронен на иностранном кладбище в Янхваджине.

Жизнь в изгнании была очень нелегкой — как в бытовом, так и материальном смысле. Чтобы содержать семью, отцу приходилось много работать: он преподавал русский язык в местном университете, разбирал иностранную корреспонденцию на английском и французском языках в Туристическом бюро при японском правительстве, давал частные уроки английского языка японским и корейским школьникам. Но как бы он ни был занят, он старался обязательно выкроить время для работы над своими дневниками: редактировал и перепечатывал записи, что скопились у него за годы деятельности на дипломатическом поприще. Отец, несомненно, хотел их издать, но полностью успел завершить и отпечатать на машинке только разделы о Персии и Индии. Вторая часть мемуаров осталась в рукописи,

написанной столь неразборчивым почерком, что, казалось, она никогда не сможет найти своего читателя. Но свершилось чудо. Нашлись люди, которые не только расшифровали текст, но и подготовили его к печати. Благодаря их усилиям сбылась моя многолетняя мечта опубликовать записки отца.

Я выражаю глубокую благодарность доктору исторических наук Сергею Владимировичу Волкову, который расшифровал заключительную часть мемуаров отца, начиная от его службы в Туркестане, и снабдил ее ценными комментариями. Активное участие в подготовке настоящей книги приняли две русские женщины, которым я также выражаю глубокую благодарность. Одна из них — историк Татьяна Михайловна Симбирцева, которая заинтересовалась дневниками моего отца в процессе своей работы над историей русской эмиграции в Корею и нашла меня с помощью писателя из Владимира Валерия Юрьевича Янковского, с которым мы были знакомы еще в 1930-х годах в Корею и поддерживаем связь до сих пор. Татьяна Михайловна опубликовала мои воспоминания о жизни нашей семьи в Корею в 1921-1949 годах в Москве в альманахе «Российское корееведение»², а затем выступила как редактор настоящего издания, подготовив текст к публикации. Другая участница — юная Марина Гришаева, студентка Института стран Азии и Африки при МГУ, которая по совету Татьяны Михайловны занялась расшифровкой той части рукописи отца, которая касалась Кореи. Это было труднейшее занятие. Тем не менее, Марина упорно работала и за полгода расшифровала более 50 страниц. Затем она снабдила их комментариями и успешно защитила по ним дипломную работу в 2002 году. Стараниями этих людей записки С.В. Чиркина обрели новую жизнь на родине. Я также благодарен индологу, кандидату исторических наук Евгении Юрьевне Ваниной (Институт востоковедения РАН, Москва) и японисту, доктору исторических наук Александру Викторовичу Филиппову (СПбГУ) за те пояснения, которые они сделали к разделам настоящих мемуаров, относящимся к Индии и Японии.

Несколько слов о себе и маме. Я — гражданин США, проживаю в Хейворде (Калифорния). Родился в 1924 году в Сеуле, в 1942-1947 годах учился в Шанхае в русском Техническом центре, затем вернулся в Корею и оттуда в 1948-м эмигрировал с мамой и братом в Америку. В 1951 году окончил Калифорнийский университет в Беркли, с дипломом инженера-электрика поступил на работу в местную электрическую компанию, вышел на пенсию в 1986-м. Моя мама Наталия Николаевна родилась в 1894 году в Ростове-на-Дону или Новочеркасске в семье Николая Васильевича Ефремова, который в дальнейшем был управляющим канцелярией Туркестанского генерал-губернатора в Ташкенте. Мама училась в Смольном институте в Петербурге, в 1920 году вышла замуж за отца и поделила с ним все трудности эмигрантской жизни. В Сеуле она шила платья иностранным дамам, а когда заработка стало не хватать, продала свое единственное бриллиантовое кольцо и поехала в Шанхай, где выучилась на модного парикмахера. Мама умерла в Хейворде в 1989 году. Она была бы рада узнать, что мемуары отца увидели свет в России.

Надеюсь, что записки дипломата МИД Российской империи Сергея Виссарионовича Чиркина привлекут внимание российских любителей истории.

Кирилл Чиркин

Хейворд, Калифорния

ГЛАВА 6

Туркестан. Приезд в Ташкент, обустройство на месте. Генерал-губернатор Мартсон. Начало Великой войны. Военнопленные в Ташкенте

В мае 1914 года я и Я.Я. Лютш с сестрой, распрощавшись с друзьями, покинули Сеул: Лютш — на короткое сравнительно время, я же, чтобы с маленьким перерывом в Петербурге направиться к месту своей службы в Ташкент. Поездка до Харбина по вполне оборудованной широкой колее Ю.М.Ж.Д. с хорошим вагоном-рестораном прошла незаметно. В Харбине, где мы пересели в поезд В.К.Ж.Д., на вокзале нам встретился генерал Хорват⁵⁴, старый знакомый Лютша, и с ним генерал К., которого я запомнил лишь случайно, сын известного артиста Имп. Александрийского театра. Остановка была непродолжительной, и мы сразу двинулись дальше. С нашим поездом возвращался в Россию молодой владивостокский вице-губернатор Ладыженский, жена которого была очень расстроена, смыв в умывальник дорогое бриллиантовое кольцо. Другим, уже хорошо знакомым спутником оказался Бенуа со своим братом генерал-майором Бенуа⁵⁵, командиром одной из кавалерийских бригад, с которыми мы пересеклись в Сеуле, где они провели за год перед тем два дня.

В такой компании все весело путешествовали и между чтением, беседами и отдыхом и не заметили, как очутились в Петербурге. Ели тоже неплохо, так как вагон-ресторан на дальневосточной линии был прекрасно оборудован как в смысле пищи, так и обстановки и службы.

В Петербурге, несмотря на спешку, мне удалось задержаться более двух недель, хотя меня и очень «выпирали», рекомендуя попасть на место до отъезда генерала Самсонова⁵⁶. Но ехал я в Ташкент, по меньшей мере, на три года, был хорошо знаком с министерским составом, хотелось повидаться с родными и знакомыми и несколько поразвлечься в родной обстановке.

Всякими правдами и неправдами я тянул свой отъезд и выехал в начале июня, когда генерал Самсонов с семьей уже покинул край. Петербург был соединен с Ташкентом беспересадочным экспресс-сообщением через Оренбург, доставлявшим путешественников за четверо суток на место. Вагон, благодаря принятой в России особой ширине колес, был очень просторен и удобен, но вагон-ресторан занимал лишь 1/2 вагона и был много хуже оборудован, чем на Дальневосточной линии.

При приближении к Ташкенту уже стала чувствоваться жара, и, когда поезд подъехал к станции, город и окрестности казались погруженными в полуденную спячку. Даже на перроне было немного народу, и мне пришлось прождать на платформе среди моего багажа несколько минут, прежде чем ко мне подошел невысокого роста молодой человек, справившийся, не я ли новый дипломатический чиновник, и, получив утвердительный ответ, [он] назвал себя Григорием Кирилловичем Зайко, местным письмоводителем. Он извинился, что запоздал, так как по обыкновению искал путешественника в форменном платье и, лишь не найдя такого, решил обратиться ко мне. С его помощью мое продвижение в город произошло очень быстро: для багажа была найдена тележка. Сам я и Зайко двинулись в считавшуюся лучшей гостиницу в городе «Россия», где я, к ужасу Зайко, занял двойной номер из спальни и гостиной, так как мне казалось неудобным принимать посетителей и визитеров в одной и той же комнате, заваленной багажом. Зайко настаивал, что это неслыханная роскошь, но я успокоил его, сказав, что мы, вероятно, скоро найдем квартиру. Надо заметить, что по тогдашним ценам помещение не казалось мне очень дорогим (5 долларов в день). За границей приходилось платить много дороже. «Россия» оказалась типичной провинциальной русской гостиницей, «номера» которой помещались незаметно, чуть ли не под самой лестницей; на звонок появлялись одетые в белые куртки слуги; никаких претензий, но чисто.

Сам Ташкент и бульвары тополей вдоль широких немощеных улиц с журчащими, параллельно линии тополей, арыками производили впечатление большого тенистого сада, так как с тополем перемешивались плюш, карагач и другие породы. Было уже жарко — начало июня, и улица была покрыта густым слоем пыли. Решив посвятить конец дня отдыху, я условился с Зайко, что на другой день, по представлении и.о. командующего войсками генерал-губернатору края генерал-лейтенанту Лешу⁵⁷ и повидавшись с временно исполняющим обязанности дипломатического чиновника помощником начальника канцелярии генерал-губернатором Семеновым, так как Н.В. Ефремов, начальник канцелярии, был со своей семьей в заграничном отпуске, я озабочусь поисками квартиры.

Ранним утром я был у Ал. Ал. Семенова. Он был отчасти свой собрат, получивший образование в Лазаревском институте, считался мастером своего дела и знатоком всякой канцелярской премудрости. Семенов был видным мужчиной лет 38 с длинными черными усами, военного склада ввиду того, что все

чиновники канцелярии генерал-губернатора всегда на службе носят военную форму, даже почему-то при шпорах, усвоили военные манеры вытягиваться, щелкать шпорами и т.д. Он, видимо, был удивлен, что я, нанося ему официальный визит, был одет в обыкновенный «тропический» белый костюм при шлеме, и с усмешкой сказал мне, что еще не так жарко и что «урючники» (родившиеся в Туркестанском крае, от «урюк», что значит «абрикос») понятия не имеют о шлеме, нося чуть ли не круглый год соломенные шляпы. Побывав в Ташкенте, я сам убедился, что соломенная шляпа в жарком Туркестане является вполне достаточной защитой от солнца. Мы условились с А.А. Семеновым о перевозке моего архива в мою квартиру, как только я найду ее. После полудня, часа в четыре, как мне сказал знакомый с порядком дня генерал-лейтенант Семенов, я, облекшись в штатную форму, отправился в генерал-губернаторский дом представиться временному начальнику края. Адьютант его где-то запропастился, и мне пришлось вручить дежурному бравому казаку мою карточку для передачи генералу. Через несколько минут казак вернулся и сказал мне, что Его Превосходительство просят. Он провел меня на веранду, где я нашел высокого статного седого генерала в поношенной старой форменной куртке и форменных синих брюках даже без генеральских лампас, только погоны свидетельствовали о его чине. Он, видимо, отдыхал после полуденного сна. При виде меня он встал, пожал мне руку и попросил садиться.

Это был бодрый человек лет 60, о котором вся Россия знала как об одном из истинных героев русско-японской войны, в которую он вступил в чине полковника, командуя одним из восточно-сибирских стрелковых полков. Он был чужд всякой формальности и просил извинить его расстегнутую на воротнике куртку, ссылаясь на жару, и пожалел, что под мундиром ничего не было. Он был до сего времени начальником Закаспийской области и Ташкента почти не знал. Зашел разговор о нашей будущей работе. Выяснив, что мой докладной день приходится на субботу, я начал откланиваться. Но, справившись, занят ли я (генерал, должно быть, порядочно скучал на новом месте и в одиночестве или, найдя во мне необычного собеседника без всяких: «так точно» и т.п.) просил меня остаться провести с ним вечер и обещал мне показать генерал-губернаторский сад. В это время подошел какой-то молодой офицер Генштаба, с рукой на перевязи, мы познакомились, и меня поразило простое обращение генерал-лейтенанта с капитаном. Скоро зашел общий разговор, и генерал, вызвав дежурного казака, приказал ему принести корзину только что созревших яблок. Обтерев яблоко полотенцем, генерал принялся есть его, не очищая, предложив нам следовать его примеру.

После этого незатейливого угощения генерал повел нас смотреть громадный сад, примыкавший к дому. Сад был хорош, полон всяких фруктовых деревьев, но, как мне показалось, несколько запущен. В одном из его углов меня заинтересовала большая, глубокая, начавшая осыпаться по краям яма. Как оказалось, в ней в давние годы держали ручных медведей. Из современных садовых оборудований я заметил хорошую теннисную площадку. Говорили мы о всякой всячине и, между прочим, о проектируемой в самом недалеком будущем русско-афганской разграничительной ко миссии, состав которой был уже сформирован. Вернувшись с прогулки по саду, я уже окончательно раскланялся. Мой будущий шеф мне очень понравился, и мне казалось, что не трудно будет с ним согласоваться и проводить в пограничных странах политику министерства, часто расходившуюся с политикой генерал-губернатора, совмещавшего в своих руках и должность командующего войсками. При моем отъезде в Ташкент меня предупредили, что если работа и будет на вид не обременительной, то характер ее подчас может быть очень неприятен из-за сопротивления со стороны краевой власти, и обычный чиновник при Туркестанском генерал-губернаторе редко был в фаворе у своего местного главы.

Однако мои первые шаги в совершенно новой для меня области при генерал-губернаторе оказались очень [удачными]. Ввиду какого-то, не помню, недоразумения необходимо было отправить телеграфом инструкции начальнику Закаспийской области. Вызвав меня и начальника штаба, генерал, обрисовав нам положение, приказал составить отдельно каждому по телеграмме. Я порядком струхнул; но когда Леш через четверть часа прочел наши проекты, то откровенно заявил, что дипломатией составлено лучше, на что был дан обычный ответ: «Так точно». Я впоследствии пользовался расположением начальника штаба генерала Б., который вскоре, впрочем, уехал на фронт.

К ужасу Зайко, который не мог мне простить израсходование 5 долларов в сутки за помещение, я не мог найти квартиру очень скоро. Ташкент, к стыду нашему, несмотря на более чем 60-летнее наше владение, скажем прямо, выглядел очень провинциально. Утопая в садах, он не имел водопровода; протекавшая на окраине города река Салар была мелкой, с грязным глинистым дном. Только при немногих домах был домашний водопровод, где ручной помпой накачивали воду из колодцев для хозяйственных надобностей, причем трубы часто засорялись и насосы не действовали. Наконец, мне приглянулась квартира из четырех комнат с кухней в отдельном домике с садом. Он был прекрасно расположен на К. улице, в одном из участков, выходящих из Казарменного сквера. Это был домик

вдовы одного из пионеров Ташкента Михаила Севастьянова, дошедшего до чина действительного статского советника. При доме не было водопровода, и воду для умывания приходилось приносить в кувшине из колодца. Но нравился мне домик: комнаты были просторные, хорошо расположенные, светлые, плата сравнительно недорогая. Итак, квартира была снята, но нужно было ее меблировать. Для канцелярии нашлась кое-какая убогая мебелишка и пишущая машинка, а несгораемый шкаф-сейф я привез с собой, купив его у Сан-Галли на Невском. Напуганный рассказами, что Ташкент — город воровской, я выбрал небольшой сейф, железный снаружи, на деревянном шкапике.

Сам не понимаю, почему я это сделал, несмотря на то, что у меня был хороший опыт в Бомбее: В.О. фон Клемм, наш генконсул в Индии, все время пользовался сейфом местной работы — очень вместительным и очень дешевым. Это был железный ящик с тонкой огнестойкой прокладкой, и исполнял он свою службу, по-видимому, хорошо, если только никто не залезал в него во время частых отъездов хозяина из Бомбея. Однажды, в период моего временного управления генконсульством, с сейфом что-то случилось и он перестал открываться. Пришлось послать в магазин, где сейф был куплен, с просьбой открыть его. Прислали какого-то старичка-индуса, который, загнув концы проволоки в виде «козьеї ножки», начал ею манипулировать, передвигая внутри через ключевое отверстие какую-то пластинку. Сейф был очень скоро открыт и стал открываться и закрываться, как и раньше. А.А. Половцов⁵⁸ привез с собой из Англии великолепный ящик, который также открывался без всякого секрета ключами. Однако, кажется, замки его не поддавались действию «козьеї ножки».

Для столовой и кабинета быстро появился с предложением некто, очень почтенного вида еврей, с которым мы скоро сошлись, несмотря на то, что цены оказались много выше петербургских. С гостиной, составлявшей часть моего кабинета, мне повезло: какой-то артиллерийский капитан, уезжавший на фронт и отправивший свою семью в Россию, недорого продал мне набор кавказского типа мебели, крытой коврами. Пробелы обстановки были дополнены моим запасом ковров.

Особенностью каждого старого ташкентского дома были находившиеся на дворе купальни, снабжаемые проточной водой из городских оросительных каналов (арыков): купальня представляла собой расширенную среди арыка яму. В ней можно было мыться, но не плавать: места было далеко не достаточно. Такая купальня имела в заднем саду моего дома для общего пользования. Но я еще в Петербурге был предупрежден против этих купален как рассадников всяких болезней. Текущая вдоль обеих сторон улицы вода загрязнялась самым разнообразным способом и более всего мытьем грязного белья, что побуждало меня пользоваться вместо купален горячей баней, находившейся неподалеку от меня через городской сад. Обычно, возвращаясь после бани, я садился на несколько минут за столик одного из киосков прохладительных напитков и требовал себе безалкогольного напитка, вкуснее которого я никогда не пивал. Итак, я неплохо устроился, но когда появился из Железноводска лечившийся там мой Мирза-Махмуд, возник вопрос и о помещении для него.

Я предложил ему часть громадной кухни, но, со свойственной персам склонностью к интимности в жилом помещении, он попросил у меня разрешения поселиться в довольно большой кладовой, в которой было прорезано небольшое оконце. Так как у нас не было надобности хранить что-либо впрок и в большом доме было достаточно помещения для всяких потребностей, я предоставил кладовую в его распоряжение, где он и расположился довольно комфортно, развешав по полочкам свои ценные вещи.

Все было хорошо до зимы, когда мы стали перед необходимостью отопления. Несмотря на жаркий климат, зима в Ташкенте все же тянулась не менее трех месяцев, и тут оказалось, что наша кирпичная печь, несмотря на хорошую топку саксаулом (эти растущие в Ташкенте корявые и почти лишенные листы и коры деревья считались лучшим топливом в русском Туркестане), от старости плохо обогревала. Ввиду этих зимних неудобств, я решил с весной просить свою скаредную хозяйку о ремонте и самой квартиры. Но Махмуд в своей нетопленной клетушке оказался в еще худшем положении. Я рассказал моим новым знакомым о своих квартирных приключениях, и вот одна любезная дама, жена Т., погибшего во время белого восстания⁵⁹, предложила мне купить ее лампу-грелку для комнаты. Есть такие лампы, которые, как я убедился в дальнейшем, только дымят, хотя все их покупают как грелки и затем стараются от них избавиться, перепродавая хорошим знакомым под тем или иным удовлетворительным предлогом. На другое утро я увидел превращенного в негра Махмуда. Он еле двигался от слабости.

Оказывается, грелка, несмотря на соблюдение всех условий ее зажигания, так дымила, что спасение Махмуда от угара казалось чудом. Все внутри комнаты было черно. Пришлось вынести и вычистить все вещи, перекрасить комнату, а грелку выбросить. А Махмуд предпочел лучше укрываться, обходясь без этой лампы. Лето и осень прошли великолепно. У меня завелось много знакомых, и я проводил свободное от работы время то на вечерах у генерал-губернатора, то в кружках, работающих на оборону. Коротко говоря, не скучал, благодаря своему состоянию холостяка и

известному положению по службе.

Я беззаботно устраивался на новом месте, когда надвинулась туча грозящей войны. Помню, я стоял на балконе в «России» часов около четырех дня, поглядывая на старика, сидящего среди дынь самых разных размеров и сортов, как вдруг раздались крики малолетних продавцов газет с отдельным листком в руках, возвещавших о сараевском убийстве. Вскоре тихий город весь преобразился. Заговорили о неизбежности войны, что вскоре и подтвердилось: объявлена была мобилизация Туркестанского военного округа, начинали уже приходиться бюллетени с описанием хода военных действий. Вскоре тронулись и туркестанские части. Генерал Леш, как боевой генерал, покинул Ташкент в первые дни войны, будучи назначен начальником одной из армий. Его по очереди заменяли несколько не подлежащих службе на фронте генералов, пока не прислали из Петербурга в качестве временно командующего войсками Туркестанского военного округа и генерал-губернатора генерала от инфантерии Ф. Мартсона⁶⁰. Военная карьера его не была, насколько я помню, примечательной как во время японской, так и в начале Великой войны. При болезни сердца ему трудно было служить на фронте, это и вызвало его временное назначение в Ташкент, на место генерала Самсонова, получившего в свое командование корпус, с которым он и погиб в Мазурских озерах (но не напрасно было это поражение, таившее в себе зачатки победы). Наше наступление в Восточной Пруссии было вызвано требованием французского командования, несмотря на недостаточную подготовку наших сил — армии Самсонова. Самсонов протестовал против наступления, обреченного на неудачу ввиду превосходства германских сил и крайне неподходящую для наступления местность.

Много лет спустя, в Корею, японский офицер, которому я преподавал в течение нескольких дней русский язык на курсах иностранных языков для чинов сеульского гарнизона, желая отметить превосходство немецкого солдата над русским, говорил: «Где же русским идти на немца!» Позже я показал ему выдержку из передовицы одной из издававшихся в Японии английских газет, в которой говорилось, что битва при Танненберге⁶¹ была началом победы союзников в Великой войне, поскольку в результате ее немцы не смогли продвинуться за Марну, вследствие отвлечения больших сил против русских в Восточной Пруссии.

Генерал Мартсон был старый холостяк и приехал в Ташкент со своей старшей сестрой, которую он там и потерял. Как администратор он был новичок, но у него был хороший помощник по управлению краем в лице управляющего канцелярией Н.В. Ефремова, все время работавшего при генерале Самсонове. Жил генерал крайне уединенно и нигде не бывал из-за больного сердца. В субботу по утрам я обычно ему докладывал. На докладе присутствовал Н.В. Ефремов, так как часто вопросы моего доклада имели связь с делами, проходившими через канцелярию генерал-губернатора. Генерал Мартсон был человек очень приветливый, но упрямый, и, кроме того, не любил МИД, не знаю почему, так как связи у него ни с нашим центральным ведомством, ни с нашим заграничным представительством не было. Невзлюбил и невзлюбил, хотя лично ко мне относился мило и доброжелательно. Бывало, на докладе, однако, генерал не упускал случая поязвить: «Ну, уж вы, дипломаты, все портите...» или «От МИД добра не жди...» Я почтительно улыбался в ответ, но все же в громадном большинстве случаев добивался резолюции, предложенной мной. Но был случай, когда с ним ничего нельзя было сделать, хотя и министерство, и союзники рвали и метали.

Однажды вечером меня вызвали к генерал-губернатору. Это означало срочное, неотложное дело. Я был дома и живо собрался, переодевшись в форменное платье. Я застал генерала Мартсона в обществе начальника штаба, начальника канцелярии, нескольких неизвестных и молодого ротмистра Закаспийского округа пограничной стражи с какой-то двойной восточной фамилией, вторая часть которой была Эдигей⁶². С нашей стороны никто, кроме меня, не говорил на английском языке, и мне пришлось служить переводчиком. Этот офицер, прибывший с Кушки, доложил, что у них на посту, но на афганской территории, находятся два индуса под охраной афганских солдат, прибывших от какого-то раджи с военным поручением к генерал-губернатору, и что они везут с собой «Золотое письмо» самому Государю. Однако посланцы не соглашались перейти нашу границу и последовать в Петербург до тех пор, пока генерал-губернатор не даст им своего честного слова отпустить их с миром, если миссия не заслужит внимания. Недолго думая, генерал Мартсон дал это слово, и двое индусов появились вскоре в Ташкенте. Я увидел перед собой двух измученных путешественников — молодых сравнительно людей: один из них был сикх с великолепной бородой, разделенной проборою и зачесанной кверху, другой — индус с давно не бритым лицом. Генерал Мартсон, видимо, рассчитывал на хорошие вести, и по туркестанскому обычаю гостям был предложен «достархан» с разными горячими и холодными неалкогольными напитками, фрукты, конфеты и пр. Слегка прикоснувшись к «достархану», начали беседу. Оказалось, что послы пришли от некоего раджи Праджана, владельца восставшей против Великобритании маленькой территории, возбуждавшего народ Индии к свержению британского ига.

Этот Пражан, в случае успеха их миссии, намеревался сам немедленно прибыть в Туркестан. Между прочим, посланцы говорили, что с непобедимой Германией не имеет смысла воевать, что необходимо скорее заключить с нею союз, что русский император, которому сам раджа шлет «Золотое письмо», поймет выгоды единения с немцами и прикажет своим туркестанским войскам вторгнуться в Индию и в союзе с индийцами отнять ее от Великобритании. Не ясно только было, в чью пользу: в пользу ли самого раджи или отдельных владетелей, или России. Генерал подумал и ответил, что Россия верна своим союзникам, что она не верит в непобедимость Германии и не имеет никаких видов на Индию. Ввиду чего их миссия неприемлема, и он должен был бы их арестовать как врагов европейского союза, но что ввиду данного им слова отпустит их без вреда домой, но не сразу, так как может встретиться нужда в дальнейших беседах. Посланцы, видимо, были сконфужены, но, видя, что их по-прежнему отвозят на постой в отель «Регина», успокоились.

Обо всем этом было сообщено по телеграфу министру иностранных дел, а «Золотое письмо» по прочтении послано почтой в Петербург. Оно было выгравировано на обеих сторонах довольно толстой чисто золотой пластины величиной с большую визитную карточку. Содержание ее было кратким выражением словесного предложения посланцев. Из министерства я немедленно получил телеграмму с указанием, что британское командование хорошо знает этого мелкого раджу и, считая, что он может быть вреден своей антибританской пропагандой, требует арестовать посланцев, а если удастся, то и самого Пражана.

Иду со срочным докладом к генерал-губернатору, предварительно сговорившись по телефону. Генерал спокойно выслушивает меня и замечает, что ради кого бы то ни было он своего слова нарушить не намерен и, конечно, отпустит посланцев, хотя бы ему грозили отставкой. Было ясно, что ничего другого от него не добиться, хотя МИД, да и военные, вряд ли одобряли упрямство Мартсона. Индусы же, ввиду того что выпуск их из-за телеграммных переговоров стал оттягиваться, начали беспокоиться и просить меня о скорейшем отпуске их ввиду того что климат и пища плохо отзываются на их здоровье. В конце концов, их отправили под конвоем в Кушку и перевели через границу. В такое трудное для союзников время генерал Мартсон поступил, по-моему, очень опрометчиво. Он должен был немедленно арестовать их и выдать англичанам, стоявшим в Мешхеде. Но по-человечески нельзя было не удивляться благородству характера генерала Мартсона, не только рисковавшего своей карьерой, но, может быть, и вредившего общему делу и, однако же, не нарушившего честного слова!

В связи с требованием англичан выдать посланцев мятежного раджи Пражана в руки их военных властей я должен упомянуть, что афгано-персидская граница охранялась соединенными русско-английскими отрядами. В нашем ведении была половина пограничной линии от русской границы до, не помню теперь какого, пункта; англо-индийские войска наблюдали за своей половиной. Наш отряд состоял из двух полков семиреченских казаков под командой полковника Гущина⁶³, английским отрядом командовал, насколько помню, генерал-майор Маллисон. Задачей соединенных отрядов было недопущение прохода в Афганистан германских и австрийских лазутчиков для поднятия Афганистана против Великобритании и вовлечения его в войну на стороне Германии. Граница была растянутая, и без прорывов не обошлось, но немецкая пропаганда в Афганистане не имела сколько-нибудь значительного успеха.

Вторым вопросом, по которому генерал Мартсон пошел вразрез с МИД, был хивинский. Я помню речь генерала Мартсона после молебна и большого парада на соборной площади, обращенную к туземным старейшинам. Я не скажу, чтобы речь эта мне понравилась, да она совершенно и не шла добродушному Мартсону. Напомнив аксакалам об их присяге на верность Белому царю, он сказал, что всякая попытка и работа во вред русским интересам будет не только строго наказываться, но и весь Туркестан будет залит кровью. Аксакалы (старшины), украшенные медалями, стояли мрачно понуриив головы, и старый переводчик полковник Исфендиаров чувствовал себя не особенно ловко. Такая речь, конечно могла быть вызвана уже обнаружившимся выступлением Турции на стороне Германии и общим тяготением всех мусульман суннитского толка к халифу в Константинополе. Но, думается, таких сильных выражений, как «залить кровью», следовало бы избежать. Речь, конечно, разнеслась по всему мусульманскому Туркестану и, конечно, комментировалась не в нашу пользу.

Так или иначе, во время войны Туркестан жил довольно мирной жизнью. Особенно спокойно было в Бухаре, где влияние эмира и близость к Ташкенту могли поддерживать спокойствие. Не то в отношении Хивы: это была отдаленная окраина. Местным русским центром был Петроалександровск, где резидировал начальник Аму-Дарьинского округа, под контролем которого было все ханство. Там же и в других городах, вроде Ургенча, были расположены какие-то дружины, части, состоявшие из совсем забывших военное дело пожилых людей.

Никто, как водится, и не думал о возможности восстания в Хиве, и оно произошло совершенно

неожиданно на глазах у местных властей. Причины его можно установить лишь предположительно: пропаганда германских агентов о слабости России и грозящем ей поражении, неудачный подход и злоупотребления властей на местах, выжимание продовольствия для нужд войск и т.п. Слабый, полубольной хан ничего не мог поделывать и был, конечно, на нашей стороне. Кажется, и чуть ли не на него был заговор. Наши дружинники в типичном старом арабском городе с лабиринтом улиц отсиживались в крепости. Единственным преимуществом хивинцев были лабиринты улиц, затруднявшие стрельбу и действие артиллерии. Из Петроалександровска требовали немедленной помощи как людьми, так и продовольствием. Доставить и то, и другое было, однако, нелегко: единственное сообщение из Бухары по Аму-Дарье производилось на старых тихоходных пароходах, и то не до самой Хивы, до которой приходилось идти караваном.

Генерал Мартсон, обсудив положение, немедленно решил послать в Хиву соответственной силы отряд, поставленный под начальство генерал-лейтенанта А.С. Галкина⁶⁴, Сыр-Дарьинского губернатора. Генерал Галкин был туркестанский старожил, офицер Генерального штаба и вообще умный и высококультурный человек. Но он был алкоголик и в состоянии запоя часто манкировал делами, и, кроме того, как начальник военной экспедиции, он, будучи долгое время администратором, оказался далеко не на высоте. Возможно, это была случайность, но отряду, посылаемому против хивинцев, было оказано недостаточное внимание в смысле боевой силы и вооружения. Несмотря, однако, на все эти затруднения, хивинцы были подавлены, и возник вопрос о реформах в хивинском комитете в смысле полного поставления его под наш военный контроль. Мне придется упомянуть об этом в дальнейшем, когда туркестанским генерал-губернатором был уже генерал-адъютант Куропаткин⁶⁵.

Генерал Мартсон, видимо, уже тяготился службой в Туркестане, да и его болезнь сердца прогрессировала, и он возбудил вопрос о пересмотре в Петербурге всего положения Хивы, имея в виду также и последствия, но, в общем, ходили слухи, что он в Туркестан не вернется. Планы генерала в отношении Хивинского ханства не нравились МИД, желавшему более мягких путей к умиротворению края, и было решено собрать в Петербурге конференцию с участием представителей обоих министерств: МИД и военного, а также туркестанского генерал-губернатора.

Не помню я теперь многих имен в связи с этой конференцией. Председательствовал генерал Мартсон, имея при себе помощником Н.В. Ефремова. Со стороны МИД были: начальник 3-го политического отдела В.О. фон Клемм, один из делопроизводителей отдела Б.Н. Андреев и я. Секретарем конференции был известная в Петербурге личность, член Государственной Думы, носивший теперь странную форму прапорщика запаса, Набоков, погибший в первые дни революции. Я его помню гимназистом, будучи сам еще в одном из младших классов. Конференция шла довольно вяло, так как МИД знал, что Мартсон был на уходе, и, видимо, там были уже осведомлены о том, кто будет назначен ему в преемники. Кажется, конференция даже была отложена, не придя ни к какому основательному результату. Перед конференцией и во время перерыва начальник Азиатской части Главного Штаба, облюбовав меня, рассказывал нам очень много о своей монографии «Белые скифы», которую он готовил к печати. Андреев, порядочный зубоскал, сильно потешал в чайной комнате смущенное рассказом о белых скифах общество, высмеивая добродушного генерала.

Вскоре после конференции фон Клемм сообщил мне, что в Туркестан назначен командующим войсками и генерал-губернатором генерал-адъютант Алексей Николаевич Куропаткин, и попросил меня приготовить записку о взаимоотношениях между начальником экспедиционного отряда и генеральным консулом в Мешхеде Никольским. Оба они никак не могли ужиться, как два медведя в одной берлоге, и оба слали жалобы друг на друга в то или другое министерства и генералу Мартсону. Оба претендовали на первенство, и мне пришлось пережить немало непростых минут, отстаивая Н.П. Никольского, которого я знал как одного из самых добродушных и миролюбивых коллег. (В действительности оказалось, что конфликт создан не столько генконсулом и начальником, сколько их прекрасными половинами — властными дамами, претендовавшими на первенство.) Но в данном случае мне казалось, что и он мог быть не прав, претендуя на принятие парадов, тогда как вообще в русском официальном обиходе гражданские чины и даже большие государственные люди военных парадов никогда не принимали. И МИД чувствовал, что Н.П. Никольский где-то перехватил, так как Клемм предлагал мне назначение на его место для установления добрых отношений с военными, столь желательными ввиду присутствия англичан. Никольского же предлагали перевести в открывшееся в Тегеране генконсульство, где при наличии миссии возможность ссор исключалась.

Мне не хотелось ехать, так как я мечтал об Индии и даже уклонился от почти одновременного мне предложения поехать дипломатическим чиновником в Тифлис, то есть состоять при главнокомандующем нашими силами на Кавказе Великом Князе Николае Николаевиче. Клемм со мной согласился, считая, что Мешхед малоинтересен, Тифлис же рискован, ввиду того что бессилен перед

Великим Князем: понравишься ему — пойдешь в гору от МИД в большое офицерство, не понравишься — под горку.

Говоря о временном управлении Туркестанским краем генералом Мартсоном, я должен сказать несколько слов о военнопленных, игравших немалую роль в жизни края в это и, особенно, в последующее время. Туркестан сразу после падения Перемышля⁶⁶ принял до 50 тысяч военнопленных разных национальностей, наибольшая часть которых была размещена в Ташкенте. Расквартирование их не представляло особых затруднений, так как для них были отведены казармы ушедших на фронт туркестанских стрелковых и иных частей, но вопрос продовольствия этой громадной армии в то время, когда уже начали ощущаться трудности снабжения населения пищевыми продуктами, оказался очень острым. Особенно резко чувствовался недостаток муки и невозможность кормить военнопленных привычным для них чистым пшеничным хлебом. Приходилось выпекать для них хлеб из кукурузной муки с небольшой лишь примесью пшеничной. Быстро черствевший и ложившийся камнем на желудок этот неудобоваримый хлеб в связи с вообще непривычной пищей вызывал упорные желудочные заболевания, и ташкентское кладбище является главным свидетелем плачевной участи массы этих невольных гостей Туркестана от дизентерии и сыпного тифа.

В лучшем положении оказались те из них, кто попал на частные работы в качестве ремесленников и музыкантов. Первые были на довольствии у хозяев, а вторые прирабатывали на улучшение своего пайка. Из музыкантов, по инициативе состоявшего по распоряжению генерал-губернатора при Великом князе Николае Константиновиче полковника Д.В. Белова⁶⁷, был составлен великолепный симфонический оркестр. Оркестранты играли два раза в неделю по вечерам летом в саду, а зимой в помещении местного Военного собрания и заполняли огромный пробел в духовной жизни Туркестана, лишенного возможности слушать хорошую музыку.

В общем, положение пленных австрийцев, особенно славян, было сравнительно сносно, а офицеры пользовались даже свободой: прогуливались по Кауфманской улице, делали покупки и собирали толпу праздных зевак. Гораздо суровее был режим для нескольких сот военнопленных германской армии в отместку за притеснения пленных русских в Германии. Немцы помещались в тесном и неудобном помещении дисциплинарной роты, где они находились на положении заключенных и получали худший паек. Приезжавший в то время в Туркестан для инспекции австро-германских военнопленных по просьбе воюющих с нами держав представитель еще нейтральных Соединенных Штатов Северной Америки нашел положение австрийцев более или менее удовлетворительным, в отношении же принятого для немцев режима высказался резко отрицательно, настаивая на необходимости немедленного его изменения. Не помню, однако, чтобы его предложения имели какой-либо успех и чтобы в быт немцев были внесены изменения к лучшему. Обычным возражением была необходимость репрессий за невозможное отношение к пленным русским в Германии.

Лицом, находившимся на особо привилегированном положении, был попавший в числе военнопленных немцев в Ташкент какой-то приближенный к кайзеру большой сановник, захваченный случайно при отступлении немцев где-то в Польше, когда он пытался ускользнуть от преследовавших его казаков в автомобиле. Он был помещен в одной из комнат гостиницы «Регина», где его проживание было обставлено возможными удобствами как в смысле помещения, так и пищи. Свободой, однако, он не пользовался и сносился с властями при посредстве уже упомянутого мною полковника Белова. По словам последнего, сановник был вполне доволен своим положением и неоднократно просил засвидетельствовать перед генерал-губернатором его благодарность за гуманное отношение. Ему не суждено было, однако, покинуть пределы Туркестана, так как вскоре после водворения в Ташкент он заболел дизентерией и, несмотря на усилия нескольких врачей, скоропостижно скончался.

Я упоминал выше, что полковник Белов состоял при Великом князе Николае Константиновиче. Я думаю, что современный читатель, возможно, и не слышал об этом представителе нашей императорской фамилии, и для полноты моего рассказа хочу сказать несколько слов об этой интересной личности, тесно связанной с историей и жизнью русского Туркестана. Великий князь Николай Константинович был братом поэта и заведующего военным образованием в России Великого князя Константина Константиновича. Еще молодым человеком он был замешан в каком-то серьезном семейном проступке в связи, как мне рассказывали, с пропажей фамильных драгоценностей его матери Великой княгини Александры Иосифовны. Об этом узнал строгий император Александр III, и молодой Великий князь был удален от двора и выслан на жительство во вновь присоединенный Туркестанский край. Опальный Великий князь быстро освоился со своим новым положением, проявив недюжинную деловитость и коммерческую жилку в самых разнообразных сферах. Он интересовался работами по орошению Голодной Степи, в которых принял участие своими средствами, построил кинотеатры, служившие главным местом развлечений ташкентцев, собрал у себя во дворце музей

туркестанских редкостей и имел несколько мелких первых предприятий. Недвижимую собственность Великого князя в Ташкенте можно было узнать по излюбленной им окраске оранжево-красного цвета — в нее были окрашены и его дворец, и оба кинотеатра. Женитьба его там была не совсем обычна для отпрыска царской фамилии — он был женат морганатическим браком на дочери ташкентского полицмейстера, получившей в браке фамилию Искандер.

Я лично не встречался ни в Великим князем, ни с его женой, так как при отъезде в Ташкент мне было сказано, что Великий князь не имеет никакого официального положения и я не должен ему представляться; в частных же кругах местного общества ни он, ни она никогда не появлялись. Я чаще всего видел князя на улице проезжающим в экипаже в сопровождении какого-то мужичка, одного или с женой. Он всегда носил шапку белого цвета и николаевский китель. По внешности он был бодрый высокий худошавый старик. Мне приходилось, однако, довольно часто встречаться в Ташкенте уже во время большевиков с его сыном Александром Николаевичем Искандером⁶⁸, офицером лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка в Гатчине. Это был застенчивый, еще очень молодой, хотя уже и женатый человек. Он был одним из участников неудачного белого восстания в Ташкенте в январе 1918 года⁶⁹, после которого пропал без вести.

Сам Великий князь был одним из первых туркестанцев, поднявших красный флаг над своим жилищем при начале революции и пославшим соответственное приветствие Временному правительству. При приходе к власти большевиков он серьезно заболел и вскоре умер. Он похоронен около ташкентского кафедрального собора. Его жена Елизавета Александровна Искандер осталась хранительницей музея во дворце, при котором она получила разрешение новых властей и жить.

О том впечатлении, которое произвела на наших союзников замена обаятельного человека и толкового дипломата С.Д. Сазонова⁷⁰ Штюрмером, много писалось и говорилось, и я не считаю себя достаточно компетентным, дабы судить о размере вреда, нанесенного нашему общему с союзниками делу. Я напому только о визите Штюрмера в министерство, когда всем чинам министерства, находящимся в Петрограде, было рекомендовано собраться в известное время для представления новому министру. Он никому не понравился, хотя видимо старался произвести благоприятное впечатление своей осведомленностью и разносторонностью.

ГЛАВА 7

Генерал-губернатор А.Н. Куропаткин.

Февральский переворот 1917 года.

Смена власти в Ташкенте. Командировка в Бухару

В Туркестане же при новом начальнике края генерал-адъютанте Куропаткине, назначенном с большими полномочиями и не предубежденного против МИД, открывалась перспектива интересной работы и надежного будущего.

Ввиду предстоящего приезда в Петроград бухарского эмира, возвращавшегося из Крыма, мне было предложено сопровождать Его Высочество в Бухару, что задерживало на несколько дней мой приезд в Ташкент, и я был представлен генералу Куропаткину в качестве состоящего при нем дипломатического чиновника на вокзале, при отбытии генерала со своей свитой в поступивший под его управление край. Генерал Куропаткин был очень приветлив и просил поторопиться возвращением к месту служения ввиду предстоящей сложной и большой работы.

Во время непродолжительного пребывания эмира в Петрограде только что сменивший С.Д. Сазонова в МИД Штюрмер дал в честь Его Высочества завтрак, на котором должен был присутствовать и я. Со мной, однако, не было надевавшегося в подобных случаях вицмундира, и В.О. фон Клемм предложил мне облечься в полный мундир, но и его со мной не оказалось, так как я поехал в Петроград, не подозревая о возможности проезда эмира и связанных с ним приемов. Меня выручил Р., одолжив мне свой мундир.

Меж тем моему временному заместителю (по моей же рекомендации) в Ташкенте П.П.С., бывшему моему товарищу по гимназии и университету, роль дипломатического чиновника, видимо, пришлась по вкусу, и он уговаривал меня искать нового назначения. Мой же письмоводитель Зайко умолял меня скорее возвращаться и избавить всех оставшихся у меня на квартире от неистовства «Атиллы». Оказывается, П.П., славный малый, но, к сожалению, привычный алкоголик, произвел такой сумбур в моей домашней обстановке и ввел такой своеобразный режим в моем доме, не воздержавшись даже от водворения в нем представительницы прекрасного пола, что моя прислуга указывала на необходимость молитвы с водосвятием для очищения оскверненного вакханалиями моего скромного жилища.

К счастью, эмир уже делал прощальные визиты, и скоро мы двинулись в его собственном поезде в Бухару. Поезд этот состоял из обычного состава вагонов за исключением еще одного, подаренного Государем покойному отцу Его Высочества. Это был большой темно-красного цвета вагон, весь усыпанный по наружным стенам звездами по образцу бухарского ордена Золотой звезды. Внутри были салон, спальня, кабинет. На стоянках эмир обычно выходил с сопровождавшими его русскими в обыкновенный вагон столовой. После завтрака и обеда часто предлагали сыграть партию в шахматы, а иногда, чтобы занять всех, в какую-нибудь несложную игру в карты. Эмир в то время был человеком лет 35, среднего роста, с наклоном к тучности. Он хорошо говорил по-русски, пройдя специальный курс Николаевского кадетского корпуса. Он был крайне приветлив в обращении с окружающими и imponировал приветливостью и прекрасными, полными достоинства манерами.

Четырехдневная поездка прошла незаметно, но за это время, особенно при остановках на больших станциях, меня осаждали просьбами о докладе Его Высочеству их заслуг чающие награждения бухарскими звездами, которые кое-кому из причастных к обслуживанию поездки эмира лиц и жаловались. Так, я помню, на одной из больших станций к поезду присоединился начальник движения, железнодорожный инженер В.Щ., которого я хорошо знал еще студентом. Он получил Золотую звезду 2-й степени, были выданы звезды и еще нескольким лицам. Вообще эмир был щедр на награды.

В Ташкенте эмиру была оказана соответственная встреча с почетным караулом генералом Куропаткиным, после чего Его Высочество немедленно проследовал в Бухару. На память о нашем совместном путешествии эмир подарил мне золотые часы, служащие мне верой и правдой по сие время.

П.П.С. моих дел не сдавал, оставив всю канцелярию моему письмоводителю, и мы с ним встретились за несколько станций до Ташкента, куда он выехал для встречи эмира. Он очень жалел, что мне не удалось «повыситься», а ему занять мое место, на котором он обседелся. Мы с ним расстались в Ташкенте на станции, так как он сопровождал эмира до места своей службы — Бухары.

А.Н. Куропаткин произвел на меня впечатление доброго, сильного, еще не старого человека-крепьша. Каждый день между завтраком и поздним обедом он принимал доклады и работал в своем кабинете, ложась спать по возможности рано. Он был гостеприимным хозяином и обычно собирал у себя по воскресеньям к обеду небольшой круг более или менее близко к нему стоящих людей. По военному времени обед был невелик — всего два блюда и без вин, которые, однако, появлялись на столе при его жене — очень милой, любезной и словоохотливой даме, которая не разделяла отвращения своего супруга к вину.

Он умел ладить с туземцами, которые относились к нему с большим уважением, и во всех запутанных туземных делах искал содействия влиятельных туземцев, успешно насаждая порядок в крае.

Он привлекал к себе в сотрудники многих влиятельных туземцев из разных частей края, но привезенный им с собою русский антураж поражал своей слабостью и ничтожеством: так, например, его адъютант, поручик С, был рядовой армейский офицер, видимо, очень невысокого класса, недалекий и лишенный всякого лоска и манер. Несколько более воспитанным представлялся дежурный штаб-офицер поручик У., личность совершенно незаметная. Все старое он заменял своей креатурой. Так, по его желанию был смещен сыр-дарьинский губернатор генерал-лейтенант Галкин, замененный известным во время русско-японской войны налетами в Корею генералом Мадритовым⁷¹, не имевшим никакого административного стажа. По его же настоянию был смещен начальник Ферганской области генерал Гиппиус⁷², правда, как говорили, не лишенный странностей. Каким-то чудом удержался и.д. начальника Закаспийской области генерал-майор Колмаков⁷³, человек несколько низших дарований и образования, чем Галкин и Гиппиус. Казалось, Куропаткин не терпел близ себя людей, которые чем-нибудь могли с ним равняться. Говорили, что он даже вез с собой на место управляющего своей канцелярией одного из генералов Азиатской части Главного штаба Д. Н.В. Ефремов уже готовился к отставке или перемещению, но его деловитость и независимый характер превозмогли, и Куропаткин не только оставил его на месте, но сделал одним из ближайших своих советников.

Единственным приятным исключением из импортированных А.Н. Куропаткиным сотрудников был генерал-лейтенант Сиверс⁷⁴, заменивший генерал-лейтенанта Воронца⁷⁵, которого Куропаткин не терпел еще по Дальнему Востоку, когда генерал Воронец был начальником Владивостокской крепости. Последний был всесторонне образованный и интересный человек, но пригодный только на посту вдали от фронта. Он был забывчив и неуверен в себе и на доклады возил обычно с собою всех офицеров, заведовавших отдельными частями штаба. Сиверс был довольно молодой, сдержанный, видимо, знающий свое дело и крайне симпатичный человек, не любивший шума от разных мелких мероприятий вроде обедов, приемов и пр. Жена его, молодящаяся веселая живая женщина, была ему полной противоположностью, бывая везде и принимая у себя. За ней обычно волочился хвост военной

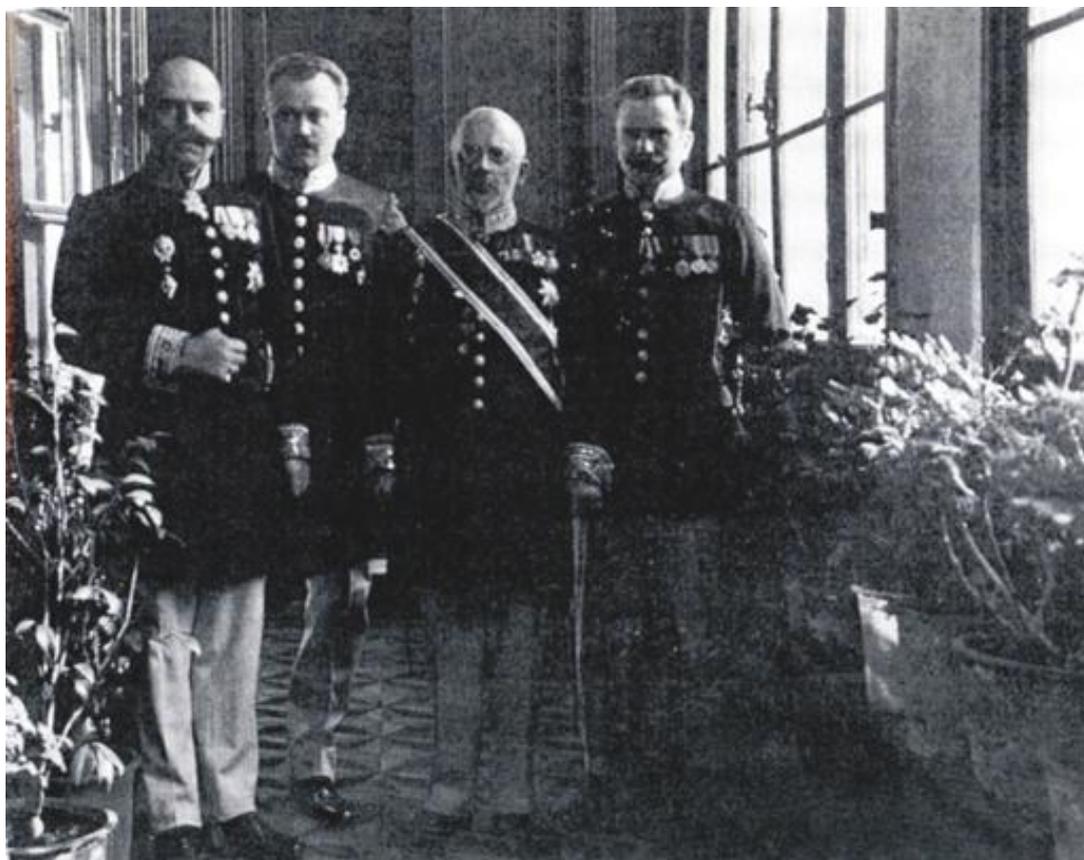
молодежи, любящей потанцевать, выпить и закусить. После большевистской революции Сиверс, высланный из Ташкента большевиками вместе с Куропаткиным, принужден был служить в Красной Армии и умер в вагоне от сыпного тифа, возвращаясь в Ташкент на побывку для свидания с семьей после более чем годичного отсутствия. Генерал-адъютант А.Н. Куропаткин был последним генерал-губернатором в Туркестане.

* * *

Революция 1917 года застала меня в Ташкенте, где я с самого начала Великой войны занимал должность дипломатического чиновника при туркестанском генерал-губернаторе. Генерал-губернатором был генерал-адъютант А.Н. Куропаткин. Это назначение осенью 1916 года, когда испытанное этой забытой за время войны отдаленной окраиной потрясение заставило вспомнить о ней правящие круги и послать в Ташкент администратора на смену временным и случайным лицам.

Я имею в виду восстание туземцев края, вызванное решением из Петрограда о призыве на тыловые работы туземного населения Туркестана. Освобожденные со времени занятия русскими края от военной службы туземцы, подстрекаемые духовенством, не усвоив сущности принимаемых правительством ввиду тяжелых условий войны чрезвычайных мер и отстаивая свои, казалось им, незыблемые привилегии, подняли бунт в тех местах, где или непродуманность и крутость администрации и влияние мулл оказались особенно чувствительны, или местные условия, вследствие недостатка путей сообщения, были особенно благоприятны.

Беспорядки с исключительной силой проявились в отдаленных уездах Семиречья, где киргизы неистовствовали над беззащитными русскими поселенцами. Дома их сжигались, имущество расхищалось, мужское население беспощадно вырезалось, а женщины и дети уводились в горы, где подвергались всяческому надругательствам со стороны потерявших голову полудикарей. Обширные материалы по киргизскому восстанию были собраны в нашем консульстве в Кашгаре, куда устремилась волна русских беженцев, ускользнувших от неистовства киргизов, перекочевавших со своими пленниками на китайскую территорию после разгрома русских поселений. Уже после революции, в мае 1917 года, мне пришлось присутствовать на обстоятельном докладе по этому поводу, сделанном драгоманом консульства в Кашгаре Т.Ф. Стефановичем Туркестанскому комитету Временного правительства, изыскивавшему способы к возвращению перебежчиков на свои кочевья.

Единственное сохранившееся фото С.В. Чиркина (крайний слева) в парадном мундире.

Крайний справа — предположительно российский консул в Чхонджине (Сейсине) А.С. Троицкий; второй справа — генеральный консул России в Сеуле А.С. Сомов. Сеул, Российское консульство в Корее. 1912

Возвращаясь к кратковременному пребыванию на посту генерал-губернатора А.Н. Куропаткина, я должен сказать, что военная карьера его в то время уже была, видимо, бесповоротно закончена. Он командовал где-то на германском фронте армией или корпусом, и деятельность его как стратега протекала совершенно незаметно. Высших назначений в действующей армии он не искал, а возможно, и не мог на них рассчитывать как не выдержавший «экзамена» в русско-японскую войну и не оправдавший возлагавшихся на него надежд «на переэкзаменовку» при европейском конфликте. Так, по крайней мере, болтали досужие умы в Ташкенте, со слов якобы самого Алексея Николаевича.

Во всяком случае, назначение в Туркестан в переживаемый краем трудный момент было, несомненно, почетным и наиболее соответствующим природным склонностям, дарованиям и предыдущему опыту по Туркестану Алексея Николаевича, оставившего о себе память как о выдающемся деятеле по должности начальника Закаспийской области. Говорили, что генерал едет в Ташкент с большими полномочиями и крупными задачами по оживлению несколько заснувшего в своем развитии богатейшего края.

Назначение А.Н. Куропаткина главным начальником Туркестанского края нельзя было не признать крайне своевременным и удачным. Он был уже по прежней своей деятельности очень популярен среди всех народностей, населяющих Туркестан. Он любил туземцев, был доступен для них и внимательно входил во все их нужды, зная хорошо их быт. Менее чем через два месяца по прибытии в Ташкент рядом мягких мер при посредстве преданных ему влиятельных туземцев он добился не только того, что вызванное вышеуказанными распоряжениями брожение среди населения прекратилось, но даже своевременно без ропота формировались этапные тыловые рабочие отряды и отправлялись на фронт. Вообще же делам туземцев он уделял много времени и заботы, и приходилось даже слышать мнение, что А.Н. Куропаткин благоволит туркменам, сартам и киргизам в ущерб русскому населению.

В области пограничной политики генерал-губернатор успел провести два больших дела по своей собственной инициативе и, так сказать, за свой страх предполагал представить их на одобрение в Петроград уже в законченном виде. Первое — перенесение нашей государственной границы с Персией за Аракс на Хорасанский хребет явочным порядком, не входя в какие-либо по этому вопросу переговоры с персидским правительством. Для осуществления этого плана представлялись широкие возможности ввиду введения наших войск в Хорасанскую и Астрабадскую провинции для обслуживания пограничной полосы с целью недопущения проникновения в наши, а особенно афганские, пределы эмиссаров находившихся с нами в войне государств. Желательность перенесения границы за Аракс объяснялась, главным образом, двумя причинами: 1) необходимостью упрочить положение наших колонистов в Гюргиском районе, терпевших большие неудобства от произвола персидских властей и своеволия кочевников-туркмен и 2) желательностью уничтожить крайне неудобное «двуданничество» туркмен, перекочевывавших, смотря по сезону, с русской на персидскую территорию и наоборот.

Сознавая, что изменение границы есть акт международный, Алексей Николаевич хотел придать задуманной им операции характер карательной экспедиции для наказания разбойников-туркмен, а затем передвинуть для охраны безопасности района наши пограничные посты к Хорасанскому хребту, предоставив впоследствии дипломатии зафиксировать существующее положение. Начальствование над этой и без того рискованной экспедицией попало, к сожалению, в сомнительные руки одного из любимцев и ставленников Куропаткина — генерала Мадритова. Человек, несомненно, неглупый и энергичный, но неразборчивый в средствах и хищный по наклонностям, он быстро разгромил мятежников-туркмен, взяв с них немалую контрибуцию. Подвигам его положила предел революция, когда он принужден был покинуть отряд и бежать в Россию.

Заключение нового договора с хивинским ханом было другим крупным делом. Поводом к нему послужили не прекращавшиеся беспорядки в Хиве, вызванные новыми раздорами между коренным узбекским населением и кочевыми туркменами, особенно усилившиеся во время войны и потребовавшие введения русского отряда для охраны русских подданных и поддержки ханского правительства. Договор имел целью поставить ханство под большой русский контроль путем создания в Хиве должности нашего представителя, которому вменялось в обязанность быть советником и руководителем хана во всех его действиях и начинаниях. С этой целью хан был вызван в конце 1916 года в Ташкент, обласкан Алексеем Николаевичем и подписал представленный ему уже в готовом виде договор, ставивший его в еще более тесную связь с Россией. Договор этот был отправлен при докладе на Высочайшее имя в Петроград в конце января 1917 года и не получил осуществления ввиду

февральской революции.

Сведения о происшедшем в Петрограде перевороте пришли в Ташкент с некоторым опозданием. В среду вечером я был в Военном Собрании на концерте симфонического оркестра, составленного из военнопленных австрийцев, водворенных в Туркестане после падения Перемышля. Против обыкновения начало концерта затянулось, так как ожидали прибытия генерал-губернатора, аккуратно посещавшего эти концерты, происходившие два раза в неделю по средам и субботам. Бродя по залам Собрания, я столкнулся с начальником Туркестанского почтово-телеграфного округа Орловым, который, отведя меня в сторону, сказал, что, вероятно, генерала не будет на концерте, так как имеются странные тревожные телеграммы из Петрограда о будто бы произошедшем там аресте правительства. Слухи эти понемногу начали распространяться среди публики.

А.Н. Куропаткин прибыл на концерт только после первого отделения. Он выглядел несколько озабоченным и не был так приветлив с окружающими, как обычно. Вероятно, он и на концерт прибыл лишь для того, чтобы своим присутствием показать, что не произошло ничего такого, что могло бы нарушить обычное течение жизни. Тем не менее, он не мог избежать расспросов со стороны бывших на концерте представителей ташкентского официального мира, и вскоре слухи о происшедшем перевороте получили подтверждение. В разговоре со своими собеседниками генерал сохранял наружное полное спокойствие, говорил, что следует терпеливо выжидать дальнейшего развития событий, высказывая свои предположения о возможных политических комбинациях.

На следующий день телеграмма сообщила об отречении Государя за себя и наследника-цесаревича и передаче престола Великому князю Михаилу. Сообщение это при всей своей неожиданности не возбуждало еще особой тревоги за будущее. Однако распространившиеся затем известия об обстоятельствах переворота, отказе Великого князя принять корону, образовании Временного правительства и об организации в Петрограде Совета солдатских и рабочих депутатов заставляли думать, что и Туркестану не миновать потрясений от катящейся волны революции.

Вначале местный правительственный аппарат работал, как будто, по-прежнему. Немедленно организовавшиеся Исполнительный комитет и Совет солдатских и рабочих депутатов, вошедшие сразу же в контакт с генерал-губернатором, считали, что все идет нормально и ничто не угрожает благополучию края. Мне приходилось неоднократно встречаться с ним в это время как на обычных докладах, так и во внеслужебное время. Генерал был бодр и оптимистично настроен, особенно после получения телеграммы Временного правительства о подтверждении всех его полномочий. Он рассказывал мне о своей первой встрече с представителями Исполнительного комитета, когда он очаровал депутатов своей обходительностью, облобызавшись с председателем комитета стариком Наливкиным, членом I Государственной Думы от Туркестана. По его словам, он мирно побеседовал с ним на животрепещущие темы, удачно обходя вопрос о своей работе впредь при новых условиях указаниями на необходимость неуклонного следования распоряжениям Временного правительства в переживаемое время, когда все должны быть на местах и работать не за страх, а за совесть, и отпустил представителей новой революционной власти так, как он отпускал различные общественные депутации в старое время.

В это время была получена телеграмма военного министра Гучкова с подтверждением прав Куропаткина как командующего войсками с указанием на скорое прибытие в Ташкент члена Государственной Думы князя Васильчикова для облегчения работы по управлению краем в новых условиях. Телеграмма эта чрезвычайно ободрила генерала. Он в интимном кружке выражал уверенность, что при известном умении власти примениться к моменту (и ее энергии) переходное время пройдет благополучно для Туркестана, масса населения которого — туземцы, живущие своей особенной жизнью, не готовые к восприятию социалистических идей и не способные к поднятию каких-либо волнений на этой почве. Несмотря на справедливость этих соображений, генерал ошибался, предполагая, что мирное течение жизни в крае не будет нарушено. Опасность пришла, но с другой стороны.

В ближайшее за государственным переворотом воскресенье в Ташкенте на соборной площади в ознаменование петроградских событий состоялось народное празднество с парадом войск гарнизона. С раннего утра на площадь начали стекаться громадные толпы народа и депутации от разных слоев населения, правительственных и общественных учреждений, учебных заведений и т.д. Депутации несли революционные флаги, все участники празднества были украшены красными знаменами и бантиками, военные и гражданские чины имели на фуражках обтянутые красной материей кокарды.

Генерал Куропаткин прибыл на парад в сопровождении своего помощника генерала Ерофеева, начальника штаба генерала Сиверса и большой свиты, но порядок на площади поддерживался уже не полицией, устраненной от исполнения обязанностей в первые дни революции, а народной милицией

под начальством еврея-выкреста Бройдо, впоследствии при большевиках игравшего большую роль в составе так называемой Туркомиссии. Бройдо, по профессии присяжный поверенный, был юрисконсультom Чуйской ирригационной организации в Ташкенте; удачно уклоняясь от призыва на военную службу. Привлеченный все же в конце концов в ряды, он попал в запасный батальон одного из расквартированных в Ташкенте стрелковых полков. Прекрасный оратор и ловкий человек, он сразу же занял место в ряду вожаков революционного гарнизона и был в первую голову выбран начальником милиции города Ташкента. Странно было видеть эту неумело сидящую на лошади фигуру в солдатской форме, разъезжавшую по площади и отдававшую распоряжения наравне с высшими представителями власти.

Настроение толпы было приподнятое, но спокойное, порядок соблюдался образцовый. После молебствия тут же на площади о благоденствии державы Российской и панихиды по жертвам революции генерал обратился с речью к народу, обрисовывая важность переживаемых событий и призывая народ к спокойствию и поддержке Временного правительства, ведущего Россию к Учредительному Собранию, которое установит образ правления по воле народа. Речь Алексея Николаевича была встречена очень сочувственно, при многочисленных знаках одобрения. После его выступления начались речи рядовых ораторов, осуждавших какой бы то ни было режим, кроме демократической республики. Речи эти вызвали возражения генерала, говорившего, что на собрании отдельных групп граждан недопустимо предрешать тот или иной образ правления и таким образом сеять беспокойство в умах и подрывать веру во Временное правительство. И на этот раз поле сражения осталось за генералом, имевшим на своей стороне сочувствие всех присутствовавших на празднике, за исключением рабочих организаций.

Для того чтобы положить конец митинговым выступлениям, генерал немедленно после своих последних слов отдал распоряжение к началу парада. Прохождение войск под звуки марша происходило в полном порядке. Не распропагандированные еще солдаты стройно ответили на приветствие Алексея Николаевича, титулуя его по-новому господином генералом. Затем началось прохождение депутатов. Порядок ничем не был нарушен до самого конца празднества. После парада бодрое настроение генерала еще более окрепло. Видимо, и он сам, и многие верили, что, благодаря большому административному опыту и знакомству с краем, ему удастся путем умеренно-либеральной политики избавить Туркестан от потрясений революции и благополучно довести край до времени общего усиления страны.

Приблизительно в это время была получена телеграмма о возвращении хана Хивинского из поездки с лечебной целью в Крым, куда он выехал сразу после подписания договора, о котором я говорил выше. Признавая какую-либо помпу при проезде хана через Ташкент не соответствующей переживаемым обстоятельствам и способной вызвать не только нежелательные толки среди некоторых классов населения, но даже и активное противодействие встрече генерал-губернатора, хотя и с незначительным, но все же монархом, Алексей Николаевич вызвал меня к себе в день получения телеграммы и поручил мне встретить хана на вокзале от его имени совместно с начальником штаба генералом Сиверсом как представителем командующего войсками. Он поручил мне разъяснить хану, почему, по изменившимся политическим условиям, никак не возможна встреча по обычному церемониалу, и просить его проехать в генерал-губернаторский дом для личного свидания с генералом. В самый последний момент Алексей Николаевич отменил свое распоряжение о поездке на вокзал генерала Сиверса и дал мне в спутники лишь молодого прапорщика-ординарца.

Встретив экстренный хивинский поезд, я вошел в вагон хана, где застал последнего и его спутника генерал-майора Асфендиарова, служившего хану переводчиком во время поездки. Передав Его Высочеству приветствие генерал-губернатора и объяснив причины, по которым не могла состояться обычная торжественная встреча, я передал ему приглашение генерал-губернатора. Хан ответил мне через переводчика, что за время своего пребывания на Кавказе и пути оттуда он вполне ознакомился с переживаемыми Россией событиями и прекрасно понимает, что остановку его в Ташкенте и дальнейшую поездку надлежит сделать возможно более незаметными. После этого мы оставили вагон и вчетвером, то есть хан, генерал Асфендиаров, ординарец и я, отправились на автомобиле в генерал-губернаторский дом.

Алексей Николаевич принял нас немедленно в своем большом рабочем кабинете. Он вышел на середину комнаты навстречу хану и после обмена приветствиями занял свое обычное место за письменным столом, предложив Его Высочеству кресло напротив себя. Переводчик Асфендиаров сел по правую руку хана, я — по левую. После кратковременной беседы о поездке хана разговор перешел к событиям революции. Хан сообщил, между прочим, что на Кавказе в дни революции он лично не испытал никаких неудобств и на свою приветственную телеграмму Временному правительству

получил очень любезный и теплый ответ. После этого генерал-губернатор счел необходимым ближе ознакомить собеседника со значением и смыслом революции и особенно положением Туркестана и ханства, а равным образом и успокоить хотя и старавшегося владеть собой, но заметно растерянного хана, для чего обратился к нему с краткой соответствующей речью.

Тут произошел курьезный случай, который я не могу обойти молчанием. Алексей Николаевич, стараясь говорить как можно проще и понятнее для хана, сказал, между прочим, что февральская революция, кажущаяся обывательскому глазу большой катастрофой, кроет в себе семена блестящего будущего для России и населяющих ее народов. Мы любили нашего Государя, говорил генерал, и он был отцом для своих подданных, но, увы, его окружали недостойные люди, ведшие государство к разрухе и унижению. Нам всем, верным подданным Государя, тяжело слышать о страданиях его, но мы не можем не признать ошибок самодержавия и должны верить, что очень скоро под покровом свободы, равенства и братства всем в России будет легче, а страна достигнет величия и могущества. «Переведите эти слова Его Высочеству», — обратился А.Н. к генералу Асфендиарову. Старый переводчик склонился к уху хана и начал нашептывать ему по-узбекски. Хан лишь покачивал от времени до времени головой. «Ну что же говорит Его Высочество?» — спросил Алексей Николаевич генерала Асфендиарова после наступившего краткого молчания. Переводчик передал хану вопрос генерал-губернатора. Со своим непроницаемым безучастным выражением лица хан ответил несколькими словами по-узбекски. И тут можно было видеть, как старый дисциплинированный солдат, дослужившийся до генеральского чина из юнкеров былого времени, забыв, что он сидит перед главным начальником края, не удержался, прыснув от смеха, и, указывая пальцем на хана, мог только сказать, захлебываясь: «Он говорит — раньше лючше было».

Генерал не любил возражений в тех случаях, когда он того не предлагал собеседникам, а развязности в своем присутствии не терпел, но времена переменчивы, а он, видимо, умел применяться к обстоятельствам. Быстро справившись с собой, он добродушно рассмеялся и сказал, что время покажет хану справедливость его слов. После этого он распрощался со своим гостем, который в этот же день уехал из Ташкента. Недалекое будущее показало, что хан был большим провидцем, чем А.Н. Куропаткин. Сеид-Асфендиар, хан Хивинский, спустя приблизительно год был убит при восстании туркмен, взявших в свои руки власть в ханстве.

Обстоятельства вскоре показали, как ошибался Алексей Николаевич, считая свое положение прочным и благополучие Туркестана обеспеченным. Революционная действительность со сломом всей старой административной машины и упадком дисциплины в армии не могла миновать Туркестана. В первые же дни революции в Ташкенте образовался краевой Совет солдатских и рабочих депутатов, и если Алексей Николаевич успешно мог бороться с вмешательством в его работу различных политико-общественных организаций, более чем наполовину составленных из буржуазного элемента, то борьба с крепнущим Советом, упорно разлагавшим войска и бунтовавшим рабочих, оказалась ему не под силу. Провинциальные отделы Совета начали открываться повсюду не только в областных городах, но и уездных. Результаты их деятельности начали сказываться очень скоро, главным образом, в смещении представителей местной администрации. О каком-либо противодействии этому явлению нечего было и думать ввиду абсолютного отсутствия средств к этому, и А.Н. Куропаткину приходилось лишь считаться с совершившимися фактами, признавая вновь выбранные власти и осуждая отрешенных от должностей лиц как не сумевших заслужить доверие народа.

В это же приблизительно время состоялся близ Чимкента арест генерала Селиванова⁷⁶, начальника поезда-выставки трофеев войны, прибывшего незадолго до революции в край для демонстрации своего подвижного музея. Не помню, чем раздражил герой Перемышля революционных чимкентцев, но только для освобождения его пришлось отправиться в Чимкент помощнику А.Н. Куропаткина генералу Ерофееву⁷⁷. Последний был очень непопулярен в Туркестане, имея репутацию недалекого, взбалмошного человека еще по своей прежней должности командира 1-го Туркестанского стрелкового корпуса. Отправься он один на освобождение генерала Селиванова, он, вероятно, не избежал бы и сам ареста, но ему сопутствовали представители новой власти, и это обстоятельство помогло ему успешно выполнить задачу.

Параллельно с этими событиями шла работа Совета СРД среди войск гарнизона против генерала Куропаткина. Прибыв с обычным докладом в генерал-губернаторский дом, я был удивлен, найдя в так называемой дежурной комнате необычное тревожное оживление. Я справился у занимавшего должность штаб-офицера при генерал-губернаторе поручика Ульянина, одного из привезенных Куропаткиным с собой при назначении в Туркестан приближенных лиц, в чем дело. Ульянин ответил мне, что он занят спешной работой — переписью телеграммы его шефа с прошением об отставке военному министру. Встречаясь незадолго перед тем с оптимистически настроенным Алексеем Николаевичем, я

заинтересовался, чем вызвана подобная телеграмма. Тогда Ульянин пояснил мне, что во время поездки командующего войсками в распоряжение одного из полков, он был дерзко встречен солдатами и принужден был, не покидая автомобиля, вернуться в Ташкент, сопровождаемый угрозами и ругательствами солдат. Я ознакомился с текстом телеграммы. Не излагая фактов, побуждающих его покинуть пост, генерал пространно сообщал Временному правительству о том, что он благополучно провел Туркестан через первое, наиболее острое время революции и, считая свою роль законченной, подает настоящей телеграммой в отставку, прося озаботиться скорейшей присылкой заместителя. Одновременно поручик Ульянин сказал мне, что солдаты держат себя вызывающе в отношении командующего войсками и уже ходят слухи о предстоящем его аресте.

Генерал все же принимал доклады, и мне удалось его увидеть на короткое время. Он бодрился и при мне принимал доклад и.д. инспектора инженерной части подполковника Э.М. Бека⁷⁸, который подтвердил слухи об агитации против командующего войсками среди солдат со стороны Бройдо, упоминая о надежности подчиненных ему инженерных частей. Генерал пробовал шутить, говорил, что было бы хорошо арестовать Бройдо, но, видимо, ему было не по себе. Выйдя из губернаторского дома, я встретил около собора одного из адъютантов командующего войсками, бывшего...

... нию, так как о кандидатуре их говорили еще накануне в городе. Так или иначе, они приняли должности, благодарили за избрание и под звуки «Марсельезы» военного оркестра были вынесены из зала заседания и водворены по домам. Церемония эта происходила поздно ночью, так как, помню, около 3 часов ночи я был разбужен звуками «Марсельезы». На другой день, в Вербное воскресенье, генералам Куропаткину, Ерофееву и Сиверсу было объявлено об отрешении их от должностей и домашнем аресте впредь до распоряжений из Петрограда. Одновременно вновь избранные военные власти вступили в исполнение своих обязанностей. Что же касается до функций генерал-губернатора, то таковые временно были возложены на трех членов Туркестанского исполнительного комитета: Поливанова, Беликова и одного поляка — горного инженера, фамилии которого не помню.

Поливанов был очень почтенный старик лет 65, человек образованный, служивший ранее в туркестанской администрации. Он был, кроме того, знаток местных туземных наречий, и известен его труд по сартскому и персидскому языкам. Это была личность исключительной порядочности, идейный социалист-теоретик, плохо разбиравшийся в текущей действительности и еще хуже — в делах по управлению краем. Это был типичный интеллигент, близость которого с народом выражалась, главным образом, в его либеральном образе мыслей и простом костюме: рубашке-косоворотке и брюках в сапоги. При таком его внешнем облике смешно было слышать, как он иногда «французил», что, вероятно, ему казалось необходимым при приеме докладов по дипломатической части. Наиболее заметной страницей его прошлого была кратковременная его деятельность в качестве члена I Государственной Думы от Туркестана. Во всяком случае, Поливанов был уважаемый всеми честный и просто хороший человек. Другим участником этого комитета трех был техник Беликов, человек с революционным прошлым. Производил он впечатление личности вполне порядочной, из трио он казался наиболее деловитым, влиятельным и страстным. Наконец, последний из трех китов, на которых легло управление краем, инженер Ф., был ничем не замечательный типичный средний интеллигент. В общем, эта коллегия случайных людей была совершенно не подготовлена к той роли, которую, к счастью, им пришлось исполнять очень недолго.

Верившее в опыт, а может быть, попросту забывшее о Туркестане в заботах об укреплении своей власти, Временное правительство спохватилось и, утвердив в должности Черкеса, Рыжикова и Маккавеева, немедленно отправило в Ташкент особую комиссию для управления краем. Добившийся ареста казавшихся ему наиболее опасными лиц Совдеп успокоился. Арестованные находились в обстановке привычного домашнего комфорта, и с особого разрешения с ними допускались даже свидания. Пребывание в Ташкенте генералов Куропаткина и Сиверса длилось недолго, и на Святой неделе по распоряжению Временного правительства они были отправлены в Петроград в сопровождении небольшого конвоя под начальством офицера.

На вокзале в день их отъезда собралась большая толпа праздной публики, знакомых и представителей ташкентских официальных лиц проводить их. А.Н. Куропаткин держался очень бодро и, казалось, был в хорошем настроении, приветливо обменивался рукопожатиями с провожающими и даже шутил. Генерал Сивере был смущен и взволнован, может быть, от обстановки, а вероятнее, от того, что оставлял в Ташкенте свою семью. Отъезд их состоялся при громких пожеланиях счастливого пути со стороны собравшихся на перроне. Генералу Куропаткину было предоставлено общее с генералом Сиверсом купе 1-го класса. С этим же поездом уезжал из Ташкента назначенный на место генерала Мадритова сырдарьинским губернатором генерал Коркульский⁸¹, так и не успевший вступить в

должность.

ГЛАВА 8 Туркестанский комитет Временного правительства, резидентство в Бухаре и революция в ханстве

В это время Туркестан уже жил по всем законам революционной жизни. Во всех областях создавались областные, а в уездах — уездные советы, являвшиеся фактически главной властью на местах, опираясь на вооруженную силу. Во главе гражданской администрации стали вместо старых властей областные и уездные комиссары, работавшие в зависимости от местных исполнительных комитетов. Что касается правительственных учреждений, то они оставались в прежнем составе, работая на старых основаниях.

Нелишне здесь упомянуть о том, как сказалась революция на настроении населения Туркестана — как туземного, так и русского. Для туземных масс всех народностей Туркестана государственный переворот был явлением совершенно непонятым. Соприкасаясь с русской жизнью чисто внешним образом и живя патриархальным укладом, мало поколебленным присоединением края к России, видя в имени Белого Царя что-то недоступно священное, они могли только удивляться проявлениям новых форм жизни, так несогласных с их мировоззрением, оставаясь лишь безучастными созерцателями происходящей на их глазах ломки.

Но, говоря о туземной массе Туркестана, нельзя забывать того хотя и незначительного, но все же заметного для русских класса туземцев, который по материальному достатку и образованию — от высшего до полученного в русско-туземных школах — был не менее русских способен к восприятию выдвинутых революцией требований и лозунгов. Этот класс, о котором только и можно говорить как об участнике революционной жизни Туркестана, я подразделил бы на два разряда. К первому надо причислить туземных богатеев, имевших большие торговые связи с Россией, и немногочисленную интеллигенцию. Они составили группу умеренных националистов. Ко второму относилось большинство полуобразованных по-русски туземцев, как-то: приказчиков и мелких служащих разного рода, сторожей при конторах, рассылных и т.п. Они примкнули к Совдепам, и кое-кто из них даже попал в члены этих организаций.

Русская интеллигенция в крае, включавшая служащих в правительственных и частных учреждениях, преподавательский персонал учебных заведений, офицерство, людей свободных профессий и купечество, составляла инертное, умеренно настроенное ядро, за немногими исключениями относившееся пассивно к новым проявлениям жизни, вызванным революцией. Наконец, наиболее активную группу представляли рабочие, рядовой персонал русских учреждений, прислуга и, главным образом, солдаты, руководимые опытными политическими агитаторами, составлявшие, как и везде, крайнюю оппозицию правительству. В первую очередь из этой группы составлялся и пополнялся Совдеп, в который, как исключение, вошло незначительное число ищущих популярности и легкого успеха офицеров и военных врачей. В нее же вошло несколько интеллигентов из евреев, бывших главными руководителями и политическими просветителями темных рабочих и солдат. Эта группа оказалась наиболее спаянной и наиболее активной в борьбе за, как было принято говорить, дарованные революцией свободы. Из воинских частей, сохранявших дисциплину и примыкавших к умеренной интеллигенции, были только Ташкентское военное училище и школа прапорщиков, по составу малочисленные, а по военному опыту — совершенно сырой материал.

Все, что ни пытались организовать и противостоять усиливавшемуся разрушительному влиянию Совдепа, было непрочно и, главным образом, не имело силы. Наибольшие надежды возлагались на начавший формироваться союз офицеров, но попытка эта не пошла дальше нескольких, правда, очень многочисленных собраний — было произнесено много прекрасных речей, учрежден союз и произведены выборы председателя, но вспыхнувший яркой искрой, союз если не погас, то тлел умирающим пламенем. Офицерство, выдвинув отдельных отличных офицеров, не имело, видимо, хороших организаторов, да и было слишком малочисленно по сравнению с красными. По крайней мере, если союз и существовал, то только по имени, и в дальнейшем его деятельность ни в чем не проявилась.

Конец происходившему в Ташкенте междуцарствию положил приезд Туркестанского комитета Временного правительства во главе с Н.Н. Щепкиным через несколько дней после отъезда генерала Куропаткина.

Встреча Туркестанского комитета Временного правительства была организована по примеру встречи генерал-губернатора. В парадных комнатах вокзала собрались все высшие представители

администрации и главы учреждений; различные же депутатские комиссии и общественные организации расположились на перроне. Поезд комитета был встречен звуками «Марсельезы» и приветственными криками собравшейся многочисленной публики. Обойдя депутатии, члены комитета прошли в парадные комнаты, где Н.Н. Щепкин познакомился с присутствовавшими. В состав комитета входило 8 человек, из которых я помню председателя — кадета, члена Государственной Думы Н.Н. Щепкина, а также членов: горного инженера, кажется, профессора Петроградского политехнического института В. Преображенского, присяжного поверенного, народного социалиста В.С. Елпатьевского, одного из видных деятелей петроградского политического мира Липовского, инженера путей сообщения киргиза Таксенбаева, члена Государственной Думы Максудова, делопроизводителя Азиатской части Главного штаба генерал-майора Давлетшина⁸² и шлиссельбуржца Иванова. Как говорили, комитет прибыл не в полном составе и приезд прочих членов его ожидался в недалеком будущем. К сожалению, мое знакомство с комитетом, за исключением В.С. Елпатьевского, было очень непродолжительно, так как не более чем через неделю после прибытия комитета в Ташкент мне пришлось выехать в Бухару для управления нашим там резидентством после ареста резидента А.Я. Миллера⁸³ и секретаря агентства Шульги, которые были отправлены в Петроград.

С Н.Н. Щепкиным я встречался, не считая представления на вокзале, не более двух раз. Это был полный, небольшого роста человек лет 55. В обращении он был очень прост и обходителен, производя очень симпатичное впечатление. Одевался он очень просто, при всяких обстоятельствах нося коричневый английский френч и черные брюки, заправленные в высокие сапоги. Из членов комитета В. Преображенский казался наиболее активным и применяющимся к моменту. Главным образом его можно было видеть при даче всевозможных объяснений представителям разных политических и общественных организаций по наиболее острым вопросам. Он, казалось, никогда не терял присутствия духа, хорошо и основательно говорил. В.С. Елпатьевский в первоначальный период деятельности комитета не играл в нем выдающейся роли. С ним я познакомился впоследствии в Ташкенте и Бухаре и буду иметь случай поговорить о нем подробнее в дальнейшем. С Давлетшиным я встречался ранее — в Петрограде в 1916 году во время поездки туда временного генерал-губернатора по делам края и, главным образом, Хивы и позднее — в Ташкенте, куда он прибыл в свите генерала Куропаткина. Это был человек лет 55. Почти вся служба его прошла в Азиатской части Главного штаба. Он считался знатоком Туркестанского края и в качестве такового вошел в состав комитета, не предполагая, однако, в нем долго оставаться, поскольку не чувствовал, как он сам говорил, в себе призвания к политической работе. Липовского, Таксенбаева, Максудова и Иванова я почти не знал.

Надеждам населения Туркестана на установление нормальной жизни в крае с прибытием Туркестанского комитета Временного правительства не суждено было осуществиться, так как местный Совдеп сразу же встал в резкую оппозицию к Комитету, тормозя его деятельность на каждом шагу. К сожалению, я не могу коснуться деталей этого антагонизма вследствие моего отъезда в Бухару. Думаю, что это было повторением в миниатюре того, что происходило в Петрограде. Перейду теперь к бухарским событиям, касаясь Ташкента постольку, поскольку я мог наблюдать за ним из Бухары.

* * *

Государственный переворот в России не мог немедленно же не отозваться на Бухаре, прочно связанной с Россией железнодорожным путем. Эмир обменялся с Временным правительством приветственными телеграммами, но был, видимо, сильно встревожен. Человек от природы мягкого характера, считавшийся главой всего туркестанского мусульманского мира как владелец ханства, бывшего рассадником мусульманского просвещения в Туркестане, и пользовавшийся, кроме того, расположением Государя, он жил спокойной жизнью, управляя своей страной по заветам старины, не чувствуя русского вмешательства во внутреннее управление своей страны. Правда, в 90 верстах от его резиденции в Старой Бухаре, на территории, отведенной еще его отцом для русского поселения, развившегося в чухлий городок Новую Бухару, пребывал русский политический агент. Но он был, главным образом, дипломатическим представителем русского правительства, посредником между эмиром и Петроградом и Туркестанским генерал-губернатором по делам ханства и русских поселений в Бухаре, а также представителем и защитником интересов России и русских подданных.

Революция сразу внесла крупные изменения во взаимоотношения Бухары и Туркестана. В ханстве находилось несколько русских поселений, из них наиболее важные — Чарджуй, Новая Бухара, Керки и Термез. Первые два примыкали к станциям Кеган и Чарджуй Среднеазиатской железной дороги, а вторые были расположены при станциях тех же наименований Бухарской железной дороги по эту сторону Аму-Дарьи, служащей границей между Бухарой и Афганистаном. Поселения эти по своему административному устройству являлись как бы отдельными ячейками одной области, в отношении

коих политический агент пользовался правами губернатора, подчиненного Туркестанскому генерал-губернатору. Во всех этих пунктах были размещены русские гарнизоны, довольно многочисленные в Керки и Термезе как в пограничных с Афганистаном пунктах.

Гражданское население этих мест составляли служащие некоторых наших правительственных учреждений и частных предприятий, главным образом — хлопкоочистительных, и персонал банков, а также железнодорожные служащие, торговцы, ремесленники. Среди последних двух категорий было много евреев. Таким образом, поселения эти, в сущности, являлись чем-то вроде русских уездных городов с вполне достаточным элементом для приобщения к революционному движению, охватившему Россию. Прежде всего, во всех поселениях в первые же дни революции были созданы исполнительные комитеты и совдепы, немедленно ставшие в оппозицию политическому агенту как ставленнику царского правительства.

Наш политический агент А.Я. Миллер — человек очень умный и тактичный, с большим опытом работы в Средней Азии и, в частности, в Бухаре — сумел скоро найти общий язык и наладить отношения с революционными исполнительными комитетами. Это было даже не особенно трудно, так как состояли они в основном из представителей местной буржуазии со значительным еврейским элементом. Основным требованием бухарской революционной демократии была передача агентом своих административных функций исполнительному комитету, на что А.Я. Миллер пошел с охотой, оставив за собой лишь дипломатическую часть. В это же время политическое агентство МИД было переименовано в резидентство, так как старая терминология в представлении революционной демократии связывалась с функцией политической агентуры, то есть «охранки», разведки и т.д.

Затем возник вопрос о необходимости приобщения ханства к «благам революции». Его выдвинула небольшая группа бухарцев, прошедших русскую школу и часто бывавших не только в Туркестане, но и в центральной России по своим торговым делам и по поручениям разных фирм. Они организовались в так называемую «младобухарскую партию» и имели свой комитет. Организация эта не была многочисленной и вряд ли насчитывала больше 200 человек, в среде коих было немало сомнительного элемента — людей без определенных занятий, искавших легких способов существования под покровом политической работы. Партия эта немедленно вошла в контакт с соответствующими русскими политическими организациями в Бухаре и указывала на необходимость самых широких демократических реформ в ханстве, погрязшем в невежестве и изнемогавшем под бременем административного произвола.

Положение это в значительной степени соответствовало действительности, и А.Я. Миллер сознавал, что происходящие в России и нашедшие немедленный отголосок в русских поселениях ханства события не могут не сказаться болезненно на последнем, если бы правительство эмира, игнорируя русскую революционную действительность, продолжало держаться рутинной в деле управления. Указывая министру иностранных дел на то, что формальное выражение эмиром лояльности Временному правительству и подтверждение им прежних обязательств Бухары перед Россией никоим образом при новой политической обстановке не могут гарантировать спокойной жизни ханства, А.Я. Миллер настаивал на необходимости проведения в Бухаре постепенных реформ во всех сферах жизни страны, то есть не только административных, но и в области народного хозяйства и просвещения на современных культурных основах. По его мнению, на первое время можно было бы ограничиться объявлением эмиром либерального манифеста с обещанием провести в жизнь реформы на благо страны и народа в соответствии с предписаниями мусульманской веры и законоучения. Текст манифеста, как полагал А.Я. Миллер, мог бы внести успокоение в настроение умов как русской революционной демократии в Бухаре, так и младобухарцев.

Введение преобразований в ханстве, по плану А.Я. Миллера, должно было бы происходить постепенно при посредстве опытных русских специалистов под руководством резидентства. После одобрения этого предложения МИДом, Миллер имел несколько совещаний с эмиром и убедил его в необходимости издания манифеста. Манифест этот был выработан, видимо, самим Александром Яковлевичем. Я не помню в точности его содержания. Он был составлен в выражениях, соответствовавших происходящим в России событиям, подтверждал необходимость вывода ханства из вековой отсталости и обещал введение преобразований в стране с целью приобщения ее к благам современной культуры на началах провозглашенных революцией свобод, но в строгом единении с предписаниями ислама.

Однако страна хотя и жила под русской опекой в течение 50 лет царского строя, ее уклад русскими никак не был нарушен. Руководимая во всех проявлениях своего существования влиятельным фанатичным духовенством, она была совершенно неспособна к молниеносному восприятию долженствующих ее облагодетельствовать представлений. Если бы еще духовенство было призвано к сотрудничеству при выработке манифеста и поддержало последний в нужную минуту своими

воззваниями, можно было бы, пожалуй, рассчитывать на то, что хотя бы лишь одно издание этого акта пройдет безболезненно. Но обойденное духовенство молча образом, поселения эти, в сущности, являлись чем-то вроде русских уездных городов с вполне достаточным элементом для приобщения к революционному движению, охватившему Россию. Прежде всего, во всех поселениях в первые же дни революции были созданы исполнительные комитеты и совдепы, немедленно ставшие в оппозицию политическому агенту как ставленнику царского правительства.

Наш политический агент А.Я. Миллер — человек очень умный и тактичный, с большим опытом работы в Средней Азии и, в частности, в Бухаре — сумел скоро найти общий язык и наладить отношения с революционными исполнительными комитетами. Это было даже не особенно трудно, так как состояли они в основном из представителей местной буржуазии со значительным еврейским элементом. Основным требованием бухарской революционной демократии была передача агентом своих административных функций исполнительному комитету, на что А.Я. Миллер пошел с охотой, оставив за собой лишь дипломатическую часть. В это же время политическое агентство МИД было переименовано в резидентство, так как старая терминология в представлении революционной демократии связывалась с функцией политической агентуры, то есть «охранки», разведки и т.д.

Затем возник вопрос о необходимости приобщения ханства к «благам революции». Его выдвинула небольшая группа бухарцев, прошедших русскую школу и часто бывавших не только в Туркестане, но и в центральной России по своим торговым делам и по поручениям разных фирм. Они организовались в так называемую «младобухарскую партию» и имели свой комитет. Организация эта не была многочисленной и вряд ли насчитывала больше 200 человек, в среде коих было немало сомнительного элемента — людей без определенных занятий, искавших легких способов существования под покровом политической работы. Партия эта немедленно вошла в контакт с соответствующими русскими политическими организациями в Бухаре и указывала на необходимость самых широких демократических реформ в ханстве, погрязшем в невежестве и изнемогавшем под бременем административного произвола.

Положение это в значительной степени соответствовало действительности, и А.Я. Миллер сознавал, что происходящие в России и нашедшие немедленный отголосок в русских поселениях ханства события не могут не сказаться болезненно на последнем, но, а под сурдинку вело даже агитацию против манифеста, и обнародование манифеста почти немедленно вызвало волнения в столице ханства, Старой Бухаре, как протест против грядущих противных исламу новшеств.

Не имея никаких документов и записок и восстанавливая события исключительно по памяти, я охотно допускаю, что в моем настоящем труде могут быть некоторые неточности, особенно в той части его, которая касается событий в Бухаре до моего туда приезда, тем не менее я думаю, что не слишком отступлю от истины, очертив положение вслед за изданием манифеста в следующем виде: подстрекаемая духовенством толпа старобухарцев напала на лавки так называемых «джедидов» — младобухарцев, к которым относились русские подданные мусульмане-ремесленники и небольшая группа бухарских подданных; лавки были разбиты и разграблены, а владельцы избиты. Небезынтересно все же оговорить, что человеческая жертва была всего одна — один из наиболее ярых «джедидов», бухарец, имени которого не помню. Несмотря, однако, на то, что протест оказался почти бескровным, страсти разгорались, и встревоженный эмир сообщал через своих посланцев резиденту о крайне опасном положении, готовом каждый момент вылиться в эксцессы даже против русского населения.

Тут А.Я. Миллер, кажется, впервые растерялся и сделал шаг, который, по мнению близко стоявших к нему людей, привел, прежде всего, к падению его самого и его ближайшего помощника первого секретаря резидентства Н.А. Шульги. Преувеличив опасность, которую, по мнению местных старожилов, можно было бы устранить путем сближения с духовенством и успокоения при его посредстве раздраженных старобухарцев, он немедленно снесся по телеграфу с Самаркандским областным комиссаром, требуя безотлагательной присылки войск. Опасность казалась А.Я. Миллеру настолько серьезной, что он счел необходимым прибегнуть к вооруженной демонстрации, не находя для этого достаточными силы у расположенного в Новой Бухаре гарнизона — роты ополченцев.

Результаты не замедлили сказаться: старобухарцы при виде русских штыков сразу же успокоились, а вновь прибывшие революционные части сочли своим долгом стать на сторону притесняемых — немедленно поднявших голову джедидов. Как борцу за свободу были устроены торжественные гражданские похороны единственной жертвы — убитого джедиды, и к месту похорон на большой проезжей дороге из Хивы в Старую Бухару была организована большая процессия с красными флагами и революционными плакатами. Во главе процессии выступал резидент с чинами резидентства, а за ними тянулись нескончаемые депутации и войска. На могиле многочисленными ораторами были сказаны речи в честь первой жертвы бухарской революции.

И резидентство, и бухарское правительство скоро убедились, что принятые ими меры были поспешны и что угрозой общему спокойствию и порядку были не мирные разогретые духовенством старобухарцы, а нахлынувшая из Самарканда военная часть с группой политических агитаторов. Среди них выделялись некий Чернявский, как говорили, подполковник в отставке, и пользовавшийся незавидной репутацией в Самарканде типичный авантюрист присяжный поверенный Чертов, который выдавал себя за друга Керенского. Эти господа, которых поддерживали кое-кто из молодых прапорщиков пришедших на выручку Новой Бухаре частей, немедленно повели агитацию против личного состава резидентства, обвиняя его в контрреволюционности. Вопрос этот послужил главным предметом обсуждения на ближайших митингах с преобладающим участием рабочих и солдат, вынесших, несмотря на несочувствие стушевавшихся местных властей, решение арестовать резидента Миллера и секретаря Шульгу с возложением исполнения обязанностей резидента на Чертова. Постановление это было приведено в исполнение.

Новобухарский исполнительный комитет, фактически совершенно устраненный от власти приезжими демагогами, немедленно снесся с Туркестанским комитетом Временного правительства, прося его содействия в восстановлении нормального положения и вывода самаркандских войск из Бухары на том основании, что пребывание их в Новой Бухаре совершенно не вызывается обстоятельствами, содержание их ложится бременем на бухарское правительство, а разнузданность может действительно вызвать волнения среди населения. В ответ на это ходатайство Туркестанский комитет немедленно командировал в Бухару одного из наиболее активных своих членов Преображенского, с которым, для более усиленного воздействия на распущенных самаркандских солдат, выехал также представитель Туркестанского Совдепа присяжный поверенный солдат-еврей Бройдо, о котором я упоминал выше.

Прибыв в Бухару, Преображенский застал там такую обстановку. Местный исполнительный комитет совершенно устранен от своих прямых административных обязанностей самаркандцами, резидент Миллер и секретарь Шульга — под домашним арестом в ожидании дальнейшего решения их участи, солдаты бесчинствуют, вызывая недовольство не только бухарцев, но и русского населения. Появление в Бухаре двух авторитетных людей в лице представителей Туркестанского комитета и Туркестанского Совдепа сразу оказало сдерживающее влияние на самаркандских демагогов. На первом же митинге Преображенский указал им на их самоуправство и вероятные тяжкие последствия их образа действий как для Бухары, так и для русского населения. Ташкентским делегатам, особенно благодаря решительности Преображенского, скоро удалось восстановить положение.

Первой их мерой было дать возможность без шума выехать из Бухары в Петроград арестованным Миллеру и Шульге. Затем была восстановлена власть местного исполнительного комитета и состоялась отправка в Самарканд части войск, уехавших вместе со своими руководителями Чернявским и резидентом-на-час Чертовым. Одновременно Преображенский телеграфировал Туркестанскому комитету о необходимости срочного командирования для временного управления резидентством впредь до назначения МИД нового резидента дипломатического чиновника в Ташкенте как старшего и наиболее старого представителя МИД в Туркестане, находившегося в курсе бухарских дел по своей работе. Выдворение из Бухары самаркандских военных частей не удалось, ввиду представленных ими самими доводов о возможности возникновения по их отъезде новых беспорядков. На самом же деле состояние на бухарском кормлении при полном отсутствии дела казалось слишком заманчивым для разнузданных солдат, для того чтобы расстаться с ним, не насладившись вдоволь благами оккупации.

Немедленно по получении телеграммы Преображенского в Ташкенте я был вызван Н.Н. Щепкиным, который предложил мне в кратчайший срок выехать в Бухару и вступить в управление резидентством. На мои возражения, что я чувствую себя неподготовленным для работы в обстановке, создавшейся вмешательством в дела резидентства со стороны местных общественных и военных организаций, Н.Н. Щепкин выразил уверенность, что, осмотревшись на месте, я отлично справлюсь с делом, действуя согласно инструкциям из Ташкента при поддержке Туркестанского комитета. Я указывал также на неудобство оставления мною на продолжительный срок дипломатической части в Ташкенте, приобретшей за время войны значительную важность ввиду постоянных сношений по пограничным вопросам с нашими консулами в Китае и Персии, поручений по тем же вопросам МИД и начавшим приобретать исключительное значение бухарским и хивинским делам. Между прочим, я указывал на возможность передачи управления резидентством прикомандированному к резидентству П.П. Введенскому, имевшему уже значительный опыт по Бухаре и пользовавшемуся расположением местных революционных организаций. Н.Н. Щепкин возразил мне, что весь состав резидентства ввиду минувших событий приходится считать скомпрометированным. Относительно Введенского он заметил, что тот обременен работой по продовольствию. Подтвердив мне, что поездка моя в Бухару носит

временный характер и что на время моего отсутствия дипломатическая часть может быть поручена моему единственному помощнику, канцелярскому чиновнику Г.К. Зайко, Н.Н. Щепкин просил меня спешно выехать к месту моей командировки.

Я не помню теперь точных дат описываемых мной событий. Припоминаю, однако, первомайский праздник в Ташкенте с его грандиозными манифестациями, во время которых Н.Н. Щепкин и его спутники были центральными фигурами. Припоминаю, что это время было расцветом популярности Туркестанского комитета, который, как казалось, давал надежду на возобновление нормальной жизни в крае, когда ничего еще не было слышно о трениях между Комитетом и Совдепом, и Бухара, видимо, жила еще спокойной жизнью. Думаю, что события в Бухаре разразились в промежутке между 10 и 15 мая 1917 года, и мой приезд туда состоялся в двадцатых числах этого месяца.

Уезжая из Ташкента, я оставлял его далеко не спокойным: стоявшие в городе военные части находились в сильном брожении, которое не могли погасить усилия ни Туркестанского комитета, ни более умеренных членов Совдепа. Недовольство среди солдат развивалось на продовольственной почве. Один из запасных полков решил взять на учет все проходящие через ташкентскую товарную станцию грузы. Около вокзала я застал группы вооруженных солдат, и ими же были забиты пассажирские залы и коридоры. По перрону ходили патрули, не допускавшие остановок на главной платформе.

Не без хлопот, несмотря на то, что Туркестанский комитет обещал сделать распоряжение о моей поездке, удалось мне получить отдельное купе 1-го класса как едущему по поручению Туркестанского комитета. Лично мне знакомый начальник станции старался, видимо, сделать все возможное для обеспечения мне удобного проезда, но не решался гарантировать его при начавшем уже проявляться своеволии солдат. Так или иначе, мне удалось благополучно отстоять свое купе. В то время движение по туркестанским линиям происходило еще с относительным комфортом, то есть существовали вагоны всех трех классов, продавались плацкарты, и вообще спокойствие проезжающих не нарушалось в такой степени, как на линиях европейской России, что объяснялось отсутствием фронтов в Туркестане.

Во время этой поездки я впервые познакомился с новым учреждением — военным контролем, созданным для задержания укрывающихся от военной службы и дезертиров. Военный контроль, как я имел случай убедиться за мою поездку по делам службы в Ташкент и обратно, состоял обыкновенно из 4-5 солдат, включая начальника — обыкновенно полуинтеллигента из писарей. Днем и ночью они обходили вагоны, опрашивая проезжающих и проверяя документы. Отношение их к пассажирам, по крайней мере 1-го и 2-го классов, было вполне удовлетворительное, а со стороны начальника контроля — даже корректное. Контроль занимал обычно купе 1-го класса и держал себя очень непринужденно, распевая в свободное время (то есть почти всегда) песни, шумно беседуя, играя в карты, загаживая купе плевками, семечками, остатками пищи и самогонки. Я не имел случая убедиться, в какой степени контроль этот способствовал искоренению дезертирства и уклонения от призыва. Наряду с другими пассажирами, несмотря на поздний час ночи, я подвергся опросу контроля очень формально, после моего заявления о нахождении в командировке по поручению Туркестанского комитета.

С продовольствием пассажиров на закаспийской линии дело также обстояло довольно благополучно: кажется, ходили даже вагоны-рестораны, на мелких станциях существовали обычные лотки с провизией, в Самарканде же был сносный по времени буфет с супом, котлетами, можно было легко иметь за 3 рубля целого жареного цыпленка.

На следующий день к вечеру я был в Бухаре. На станции Кеган (Новая Бухара) меня встретили чины резидентства П.П. Введенский и И.И. Умняков, сообщившие мне об отъезде накануне в сторону Асхабада А.Я. Миллера и Н.А. Шульги и в Ташкент — Преображенского и Бройдо, с которыми я разъехался. На вокзале же меня приветствовал проживающий в Новой Бухаре представитель бухарского правительства при резидентстве Ата-ходжа, предоставивший в мое распоряжение экипаж бухарского правительства. Перед вокзалом был выстроен взвод казаков-семиреченцев от конвоя резидента, дружно ответивший на мое приветствие и эскортировавший мой экипаж до построек резидентства.

Резидентство занимало один из самых больших и лучших участков в лишенной каких бы то ни было красот природы Новой Бухаре. Его главное здание было обнесено выкрашенной в белый цвет красивой высокой железной решеткой с железными же воротами посередине главного фасада, которые гармонировали с оградой. Оно представляло по своей простой, но изящной архитектуре резкий контраст с типичными туркестанскими приземистыми неуклюжими постройками поселения. Одноэтажное, но достаточно вместительное, с двумя подъездами, расположенными симметрично по краям главного фасада, оно состояло из квартир резидента и первого секретаря, но по соглашению с Н.А. Шульгой, занимавшим отдельный флигель, в квартире этой помещалась семья П.П. Введенского. Внутри, несмотря на обилие комнат, оно не представляло по расположению больших удобств. Квартира резидента была

скромно меблирована на казенный счет. Лишь одна передняя комната — приемная зала, которую арка делила как бы на две части: главную залу и гостиную — отличалась богатством обстановки. Раньше в ней помещались писанные масляными красками во весь рост портреты Государя и Государыни, но они были сняты в первые же дни революции. Большая часть участка была занята обширным, но чахлым, как и все новобухарские сады из-за соленых почв и недостатка орошения, садом, в котором находилась небольшая гранитная часовенка-поминальник на могиле похороненного здесь бывшего политического агента. К правому крылу главного здания почти примыкала небольшая церковь, входившая всей своей постройкой в сад, но с выходом прямо на улицу. К церкви примыкал домик — канцелярия резидентства. За оградой сада стоял отдельный флигель, вмещавший две квартиры драгоманов. Затем, через широкий двор, были расположены постройки для конвоя, низших служащих и прислуги и службы — конюшни и пр.

Поселение Новая Бухара при станции Каган Закаспийской железной дороги по внешнему виду ничем не отличалось от захолустных городишек Закаспийской области. Из зданий, кроме резидентства и государственного банка, глазу не на чем было остановиться. Расположенная по соседству с резидентством временная церковь, обслуживавшая все религиозные нужды населения, не блистала красотой архитектуры. Это простое каменное оштукатуренное здание было лишено всякого стиля как, видимо, временная постройка. Напротив одиноко стояла невысокая деревянная колокольня. Раскинулось поселение на большом пространстве. Улицы широкие немощеные, со скверными тротуарами. Имелись торговые ряды, чахлый городской сад, больница, общественное собрание — словом, все, что полагается по штату в городишках такого типа.

Высшая административная власть как в Новой Бухаре, так и в прочих русских поселениях ханства, принадлежала резиденту (политическому агенту), зависевшему в этом отношении непосредственно от Туркестанского генерал-губернатора. Исполнительная власть на местах принадлежала начальникам полицейской части, назначаемым с подведомственным им штатом Туркестанским генерал-губернатором из чинов краевой администрации. Революция с передачей административных функций исполнительным комитетам смела эти полицейские учреждения во всех русских поселениях ханства. Вместо них были назначены начальники милиции со штатом милиционеров. Незадолго до революции была учреждена должность начальника полиции Старой Бухары, в обязанности которого входило следить за подозрительным русским и иностранным элементом в пределах ханства. Учреждение этой должности было встречено молчаливым несочувствием со стороны бухарского правительства, воспринявшего это как первый этап вмешательства во внутренние дела Бухары.

Первым и последним начальником старобухарской полиции был некий Вельман, мелкий чиновник туркестанской администрации. Это был ловкий и расторопный человек, искавший крамолу там, где ее и не было. Он работал в контакте с Туркестанским охранным отделением, которое было занято изысканием нитей панисламистской пропаганды в ханстве. Несмотря на сравнительно скромное содержание, он благоденствовал в Старой Бухаре, пользуясь прекрасной казенной квартирой, которую он вскоре обставил с не соответствующим, казалось бы, его средствам комфортом. В то время как все начальники полиции в русских поселениях были отставлены от своих должностей в первые же дни русской революции без применения лично к ним каких-либо репрессивных мер, Вельману предполагалось предъявить обвинения в ряде злоупотреблений по службе, ввиду чего он заблаговременно скрылся из бухарских пределов в Ташкент, где до поры до времени незаметно проживал в качестве частного обывателя.

Прежде чем перейти к дальнейшему описанию событий в Бухаре в первый период российской революции, позволю себе сказать несколько слов о том, как создалось русское поселение Новой Бухары. Н.В. Чарыков, в позднейшее время товарищ министра иностранных дел, закончивший свою дипломатическую карьеру на посту российского посла в Константинополе, был первым нашим политическим агентом в Бухаре. До этого времени он был дипломатическим чиновником при Туркестанском генерал-губернаторе. Эта должность, с уходом его на новый пост в Бухару, была временно упразднена, так как функции дипломатического чиновника в Ташкенте в то время почти исчерпывались делами ханства; для пограничных же сношений по закаспийской границе были созданы должности чиновников МИД для пограничных сношений при начальнике Закаспийской области.

По плану Н.В. Чарыкова, резиденция русского представителя должна была находиться не в Старой Бухаре а в недалеком соседстве вне ее. Предполагалось, что она станет центром имеющего создаться около него русского поселения. Более или менее развивающиеся русские экономические интересы в ханстве вызывали наплыв в бухарские пределы русского торгового и рабочего элемента, пребывание которого на бухарской территории создавало много неудобств вследствие особенного уклада патриархальной по исламу жизни бухарцев, исключавшей возможность спокойной жизни бок о бок с

пришлыми неверными.

Эмир, отец низложенного большевиками эмира Сеид-Алима, пошел навстречу желанию русского представителя и предложил отвести в дар русскому правительству участок земли под русское поселение. По выбору Н.В. Чарыкова была отмежевана большая площадь земли, прилегающая к будущей станции Кеган Закаспийской железной дороги. Участок этот представлял собой солончаковую пустыню, на которой постепенно раскинулось главное русское поселение в ханстве — Новая Бухара. Но русская колонизация не могла победить неблагоприятных природных условий местности, и поселение производило впечатление захолустного городишки, полного солончаковой едкой пыли в зной и вязкой грязи в нежаркое время. Другие временные русские поселения создались в Чарджуе, ввиду его выгодного положения на Аму-Дарье и наличия здесь бухарского города того же имени, а также в Керки и Термезе на той же реке, ввиду выгодного их стратегического значения как пограничных с Афганистаном пунктов. В сравнительно недавнее время Новая Бухара была связана с Керки и Термезом полотном Бухарской железной дороги, строителем которой был В.В. Остроумов, в последнее время управляющий ВКЖД.

Возвращаясь к плану реформ в Бухарском ханстве, предложенному бывшим резидентом А.Я. Миллером. Он не содержал в себе ничего оригинального ввиду крайней сомнительности вопроса при растущем младобухарском движении в ханстве. А.Я. Миллер в основу реформ взял систему управления Тунисом, введенную французами и изложенную в книге финансово-таможенного деятеля Губаревича-Радобильского, экземпляр коей оказался у него под рукой. Пожалуй, на первое время большего и не требовалось. Необходимо было как можно скорее показать, что ханство параллельно со своей покровительницей Россией идет по пути либеральных реформ. Детали были не так существенны, и время указало бы необходимые добавления и исключения. План А.Я. Миллера получил одобрение в Петрограде, и была назначена комиссия под руководством резидента, состоящая из ряда специалистов по предложению резидента. Состав этой комиссии я в точности не знал. Помню лишь, что одним из ее семи членов по административной части был известный мне по Ташкенту помощник управляющего канцелярией Туркестанского генерал-губернатора А.А. Семенов, впоследствии — помощник военного губернатора Самаркандской области, уволенный от должности в начале революции и прибывший в Бухару в распоряжение резидентства незадолго до большевистского переворота.

Мое шестимесячное управление резидентством в Бухаре было тяжелым периодом моей в общем простой и интересной службы по МИД. Приходилось показываться везде, бороться с нажимом местных общественных и политических организаций, лавировать между теми и другими, так как каждый опрометчивый шаг грозил арестом на месте, что, не говоря уже о личной неприятности, создало бы новые затруднения Туркестанскому комитету, переживавшему тоже нелегкое время из-за постоянных трений с Совдепом. Вдобавок неблагополучно было и в резидентстве, где заведующий продовольственной частью Бухары со стороны резидентства драгоман В. открыто вел сношения с эмиром, прикрываясь продовольственным вопросом, а на самом деле давал эмиру советы и указания как в отношении резидента, так и общественных организаций. Человек очень способный и деловой, но совершенно без предрассудков и корыстный, В. мог быть очень опасным как самостоятельный деятель, парализуя работу резидента или направляя ее в соответствии со своими планами. Я скоро раскусил его и старался обуздать, но это было нелегкой задачей ввиду покровительства ему местных политических организаций.

О спокойной работе нечего было и думать. Приходилось то присутствовать на заседаниях местных политических организаций, давая объяснения по тем или другим вопросам и излагая позицию МИД, или объясняться с образовавшимися в резидентстве общественными представителями. Одновременно надо было следить за хотя и рутинной, но большой работой канцелярии резидентства и особенно ее запутанной судебной части. В то же время я бывал по меньшей мере раз в неделю у эмира для беседы в связи с происходящими реформами и текущими делами. Эмир не казался слишком смущенным, веря в устойчивость Временного правительства. Верили в нее и мы, плохо осведомленные за нашим отдалением от центра (которому пока было не до Бухары). Эмир, со свойственной ему мягкостью, просил только не торопиться с публикацией разных нововведений. Походы мои к эмиру тоже возбуждали толки и требовали подробных объяснений.

Я сообщал в МИД об усиливавшихся трудностях в работе, с которыми официально представителю МИД, как чиновнику царского режима, в дальнейшем невозможно было бы справиться. Как показало время, был момент, когда и моя участь висела на волоске. Это было во время корниловского выступления в Петрограде. Утром меня посетила группа наиболее активных членов местного Совдепа. Она состояла из рабочих Полторацкого и Козлитина, солдата Преображенского и военного врача еврея Городецкого. Осведомив меня о контрреволюционных действиях Корнилова, они потребовали от меня передачи им всех шифров резидентства. «Почему?» — спрашиваю я. «Вы можете получать от

Корнилова секретные телеграммы и причинить вред трудящимся». Отвечаю, что это невозможно, так как не имеет никакого смысла и Бухара в настоящее переживаемое государством критическое время вряд ли кого-либо интересует а, кроме того, шифров МИД никто не имеет, кроме учреждений этого министерства.

Тем не менее, мои посетители настаивали на выдаче им шифров. Я сказал, что добровольно выдать им шифры не могу и что они могут овладеть ими силою путем моего ареста и отобрания ключей от несгораемого шкафа, что вряд ли встретит одобрение Временного правительства. Одновременно я пробую последнюю карту на авось и предлагаю депутатам, оставив шифры у меня, приносить ко мне все зашифрованные телеграммы для расшифровывания мною в их присутствии, зная, что МИД давно уже перестал сноситься со мною шифром, о чем я просил частным письмом моего друга, заведующего 3-м политическим отделением министерства В.И. Некрасова. Ключуло! На мою сторону встал Козлитин, сумевший убедить товарищей, что этот путь совершенно приемлем, не вызывая резких мер.

И действительно, за все последнее время моего управления резидентством была лишь одна зашифрованная телеграмма, которую та же группа «товарищей» принесла мне для расшифровки, с жаром ожидая сенсационных сообщений и разоблачений. Каково же было их разочарование, когда выяснилось, что министерство назначает драгомана резидентства в Бухаре Введенского вице-консулом в Коломбо. Министерство было уже осведомлено о двойной роли Введенского в Бухаре, его самостоятельных сношениях с эмиром, попытке контролировать всю деятельность резидентства и сочло нужным пресечь его связь с резидентством. Разумеется, никто не думал, что Введенский, человек с большим самомнением, амбициями и без предрассудков в сфере создания своего материального благополучия, удовлетворится скромным постом на Цейлоне и передаст в другие руки продовольственное дело в русских поселениях в Бухаре. В этом же и разочаровались «товарищи», которым Введенский объяснил свое новое назначение интригой резидентства, побуждающей его подать в отставку.

Как трудно было работать в обстановке вмешательства и угроз, видно хотя бы из следующего факта. В связи с младобухарским движением и связанными с ним волнениями в ханстве один предприниматель-ювелир «джедид» предъявил эмиру претензии на возмещение ему убытков ввиду разграбления его лавки. По выяснении ему было отказано в удовлетворении его ни на чем не основанных требований, и тогда он передал дело в руки самаркандского адвоката сомнительной репутации, резидента-на-час Чертова. Последний явился ко мне и с апломбом выразил уверенность, что, конечно, резидентство не оставит без авторитетной поддержки справедливых претензий его клиента к косному бухарскому правительству. Я пояснил Чертову, что дело «джедида» было всесторонне рассмотрено бухарскими властями, при которых резидентство и находится, и лучше всего может быть охарактеризовано как «ловля рыбы в мутной воде». Чертов пришел в негодование, намекнул на контрреволюционные тенденции резидентства и обещал доложить Совдепу. Я выразил удивление такому необычному ходу обычного судебного дела и предупредил его, что бухарское правительство будет оспаривать претензии, так как у меня уже была беседа с эмиром по этому вопросу и мы пришли к убеждению, что наилучшим выходом из затруднения будет передача интересов эмира по претензии жулика-«джедида» лучшему ташкентскому адвокату Рейсеру, приезда которого по делам вскоре ожидали в Бухаре. Через некоторое время Рейсер посетил меня и с удовольствием взялся за дело. Он не сомневался в успехе, зная темную репутацию Чертова, известного приемами запугивания и угроз со ссылкой на поддержку Совдепа.

Были и другие дела. Помню, например, как один статский советник, Попов, пытался при помощи Чертова путем угроз добиться получения горной концессии, которая была уже закреплена за другой, даже неизвестной резидентству, группой, едва-едва, впрочем, не пропустившей срок заявки.

Но работать было все труднее и труднее, и не было никакой уверенности, что в один прекрасный день по какому-либо непредвиденному поводу местные революционные силы не арестуют весь состав резидентства, что поставило бы эмира лицом к лицу с Совдепом и могло бы создать крупные затруднения как для Туркестанского комитета, так и для центральной власти. Я рекомендовал министру назначить на эту вакантную должность непременно какого-нибудь авторитетного общественного деятеля, совершенно не причастного к МИД. Просьба моя была уважена, и по истечении шести месяцев моего управления резидентством в Бухаре был назначен резидентом член Туркестанского комитета В.С. Елпатьевский, хорошо мне известный по Ташкенту. Итак, я благополучно дотянул до приезда Елпатьевского, но не торопился с отъездом в Ташкент, так как приходилось постепенно вводить нового резидента в курс местных дел. Зайко же, видимо, справлялся со значительно сократившейся работой по дипломатической части.

В это время я получил официальное письмо от А.А. Назарова, одобрявшего мою работу в Бухаре и выразившего мне благодарность. Почти одновременно мною была получена телеграмма начальника 3-го

политического отделения МИД В.И. Некрасова с предложением выставления моей кандидатуры на должность генерального консула в Калькутте. Это совершенно совпадало с моими многолетними желаниями, и я немедленно ответил согласием. Приблизительно в это же время прибыл в резидентство из Петрограда С.В. Жуковский, сын нашего профессора персидского языка в Петроградском университете. Он был назначен в Асхабад на должность чиновника для пограничных сношений при начальнике Закаспийской области.

Но гроза надвигалась, хотя мы в Бухаре за отдаленностью и не так остро чувствовали ее. Шли вести о ленинской работе во дворце Кшесинской, об оппозиционном настроении по отношению к Временному правительству рабочих, армии и флота, распропагандированных Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, в то время когда Временное правительство было занято подготовкой к Учредительному Собранию. Я помню, что с этой целью были командированы в Туркестан из центра несколько общественных деятелей и депутатов Государственной Думы. Один из них, личный друг Елпатьевского, посетил нас в Бухаре, проведя в резидентстве целый день. Он привез крайне тревожные вести о неустойчивости Временного правительства, стремящегося лишь спешно дотянуть страну до Учредительного Собрания, и о том, что каждый день можно ожидать левого переворота со всеми его разрушительными последствиями. Мы слушали и как-то не верили в возможность такой катастрофы.

На другой день он проехал дальше, а дня через два-три телеграф принес нам известие о свержении Временного правительства и переходе власти в руки большевиков. Наиболее ярким именем в то время был Троцкий, за подписью которого летели воззвания всем и всюду с предложениями следовать за новым правительством. Русские поселения в Бухаре, младобухарцы, немедленно приветствовали новый режим, и резидентству приходилось так или иначе реагировать на события. Для решения, как поступить: уйти ли в отставку *in corpore** или продолжать работу до поры до времени путем компромисса с новой властью в чаянии ее неминуемого провала, Елпатьевский собрал совещание, на котором присутствовали все чины МИД, кроме Введенского, который уже откололся от резидентства, Жуковский и я.

*in corpore** * В полном составе (лат.). ¶

К персоналу резидентства принадлежали, кроме Елпатьевского, драгоман И.И. Умняков и прикомандированные К.С. Раздольский и М. Баранов. Большинством голосов было решено просить Елпатьевского отстать в главе резидентства и продолжать работу до тех пор, пока это окажется возможным. Елпатьевский долго не соглашался, говоря, что по убеждениям не может идти рука об руку с большевиками, и просил кого-нибудь из нас, чиновников, принять от него дела. Мы настаивали на своем, считая, что ему, как не чиновнику, легче будет сноситься с представителями Совдепа и местных общественных организаций. Со слезами на глазах Елпатьевский согласился. На другой день я уехал из Бухары в Ташкент, а С.В. Жуковский предусмотрительно решил махнуть рукой на Асхабад и собирался выехать с женой в Тегеран. Прочие оставались при резидентстве. Все мы, не исключая и Елпатьевского, верили в недолговечность нового режима. Наиболее пессимистично настроен был Жуковский, только что прибывший из Петрограда и лучше нас осведомленный об истинном положении вещей.

Моя обратная поездка в Ташкент прошла без всяких приключений и неприятностей, так как железнодорожное сообщение еще функционировало более или менее правильно, а на станциях можно было получить пищу и чай, но вагоны-рестораны уже были изъяты из составов. Помню, за несколько рублей я овладел хорошей жирной курицей, которая с успехом поддержала мои силы до Ташкента.

Дома меня встретил крайне довольный моим возвращением, но растерянный Махмуд, сообщивший, что у меня было несколько обысков с изъятием, однако, не дел, а ценностей вроде золотых запонок, булавок и т.п.

ГЛАВА 9 Мое бегство в Персию

О дальнейших событиях в Туркестане и Бухаре вплоть до моего бегства с женой из Асхабада в Персию свидетельствует нижеследующий пересказ моего рапорта из Мешхеда на имя нашего поверенного в делах в Тегеране, написанного под свежим впечатлением пережитого и поэтому более точно его отражающего*.

В 1920 году С.В. Чиркин женился на Н.Н. Ефремовой и бежал с нею за границу. С описания побега начинается рассказ о жизни автора в изгнании. — Прим. ред. ¶

Накануне побега мы должны были провести ночь и часть следующего дня на квартире какого-то богатого татарина, намеревавшегося проскользнуть в Персию по торговым делам. По его плану, мы должны были выйти к вечеру на прогулку в определенном направлении к туркменской деревне в окрестностях города, куда заранее отправлялся наш багаж, состоявший из нескольких чемоданов с платьем и тюков со спальными принадлежностями. Предполагалось, что в деревне нас будут ожидать верховые и багажные лошади с погонщиком и проводником, который тайными тропами перевел бы нас ночью через границу с тем, чтобы наутро доставить в ближайшее пограничное селение Баджгирон, где был расположен передовой английский отряд.

Однако вышло не совсем так, как мы предполагали. Ночь мы плохо спали от волнения. День выдался ясный и теплый, что благоприятствовало ночной поездке ранней весной. На закате мы вышли на прогулку, не имея ничего на руках во избежание подозрений при возможных встречах. Почти у самой деревни мы были встречены молодым туркменом из белой «Дикой дивизии» в красных форменных рейтузах, в сапогах, белой рубашке и необъятной папахе из бараньей шкуры. Он знаками предложил следовать за собой и довел до «сборного пункта», где мы нашли свои вещи в полной сохранности. Нашего спутника-татарина еще не было на месте, равно как не было никаких следов и нашего будущего каравана, что нас несколько беспокоило, но наш проводник старался дать нам понять, что все благополучно и опасаться нечего. Мы уселись отдыхать на камни у какой-то сакли, и, к нашему удивлению и удовольствию, деревенские жители не проявляли в отношении нас обычного любопытства. Видно было, что они уже привыкли к подобным визитам бегущих из Сов. России и даже содействовали побегам, получая за это вознаграждение.

После довольно продолжительного ожидания, когда уже смеркалось, появился, наконец, наш татарин на великолепном сером коне. Его появление нас подбодрило, но на наш вопрос о караване он не давал определенного ответа, говоря, что проводник с лошадьми еще не пришел. Опять ожидание, казавшееся бесконечным, опасение, что придется провести ночь и следующий день в деревне и быть открытыми большевистскими патрулями или просто выданными кем-нибудь из туркмен. Татарин успокаивал нас, но тоже был смущен — наступала уже ночь. Было часов 11, когда ушедший на разведку татарин пришел с определенными сведениями. Оказалось, что ожидавшийся из Баджгирона (ближайшее к границе персидское селение) проводник с лошадьми не пришел, но что есть возможность пройти в другом направлении к западу от Баджгирона на селение 3., откуда только что приехал погонщик с двумя лошадьми, берущийся перевести нас через границу ночью и на другой день доставить в 3. У нас как гора с плеч свалилась — немедленно ехать, куда — все равно, лишь бы за границу. Смущало то обстоятельство, что было только две лошади, но проводник ручался, что этого будет достаточно — лошади сильные и выдержат и вещи, и нас. Я, впрочем, по персидскому опыту знал, что это хотя и медленный, но вполне удовлетворительный способ передвижения в стране, где не привыкли торопиться, и, изъявив согласие, мы стали немедленно грузиться.

Проводник, лет 25, мне очень понравился своей симпатичной физиономией и уверенностью. Он сказал, что путь на 3. хотя и длиннее, но безопаснее, чем на Баджгирон, где легче наткнуться на советские патрули, уверив, что уже не раз переводил беглецов в Персию и не сомневается в успехе и на этот раз.

Было уже за полночь, когда мы тронулись в путь, заплатив туркменам 3 тысячи царских бумажных рублей за помощь. Ночь была звездная, мы уселись на наши вьюки и тронулись в путь; татарин замыкал караван на своем красавце-коне. Кругом все было тихо, кое-где в отдалении мерцали огоньки, по объяснению проводника, советских патрулей. От деревни до предгорья дорога была каменистая, ровная, без подъемов, кони шли очень бодро, и мы, часа через два пути по равнине, вошли в горы, и сразу же началась цепь подчас небезопасных перевалов по узкой, вьющейся по карнизу скалистых обрывов тропе. При особо крутых подъемах и спусках мы сползали с вьюков и шли пешком. Мы двигались почти безостановочно, торопясь перейти скорее границу, не встретив никого на горной части пути, и сделали сравнительно продолжительный привал после спуска в одну долину, когда проводник указал нам на сверкавший неподалеку огонь костров.

Мы заволновались — неужели красноармейские патрули зашли так далеко в горы? Из расспросов проводника, однако, выяснилось, что это группа персидских бродяг, промышляющих разбоем и грабежами, что он пойдет с ними переговорить и просить о пропуске неимущих австрийцев, бывших в плену в России и ищущих спасения в Персии по пути на родину. Он надеялся на пропуск, так как шайка эта чуть ли не накануне хорошо пограбила и, видимо, «не нуждалась». Не знаю, втирал ли нам очки проводник или нет, но только через полчаса он вернулся и объявил, что главарь шайки разрешает нам беспрепятственный пропуск, и вскоре мы прошли неподалеку от костров, у которых сидела группа вооруженных ру жьями туземцев. Я склонен верить, что проводник не лгал, так как мы не заплатили ни

копейки за пропуск, за который если не разбойники, то сам проводник могли сорвать с нас последние наши истаявшие ресурсы в персидском серебре. Кроме того, уже в Баджгироне мы узнали, что многие из пришедших перед нами беженцев были пограблены именно в этом месте.

Было раннее утро, когда мы подъехали к границе, которая была обозначена большими кусками нетесаного гранита, тянущимися, как лента, уходящая в обе стороны вдаль — насколько позволяло видеть зрение. Какое облегчение—мы на иностранной территории, вне враждебной досягаемости. Но испытание этим не кончилось — тягчайшее лежало впереди. Неподалеку от границы, при спуске в расстилавшуюся перед нами, казалось, бесконечную, покрытую снегом долину, мы встретили нескольких еле двигавшихся на усталых конях путешественников-персов. Начались взаимные расспросы.

Узнав, что мы едем в З., да еще на усталых, перегруженных лошадях, они настойчиво убеждали нас или вернуться, или переждать, пока стает в долине снег глубиной в 2-3 фута. Им удалось с трудом проложить колею — ночью, когда снег был тверже; днем же, по их мнению, мы застрянем в рыхлых снегах и пропадем без пищи и фуража. Для нас, однако, не было другого исхода, как двинуться вперед, так как о возвращении в Асхабад не могло быть и речи. Переждать, пока стает глубокий снег, без палатки и пищи было бы абсурдно. Покачав головами и сказав: «Иншалла», они распрощались с нами, и мы начали спускаться.

Иншалла — если Богу будет угодно! Обычное выражение фаталиста-перса при всех жизненных начинаниях, планах, желаниях на всякий случай повседневной жизни. И они полагались на волю Божию. Спуск был нетруден, но когда мы вошли в снег, сначала не очень глубокий, и лошади стали вязнуть в мягком грунте, пришлось спешиться. Это сразу облегчило лошадей, и они пошли увереннее... Но каким шагом! По нетронутому снегу было невозможно идти из-за опасения попасть в яму или, наткнувшись на какое-нибудь препятствие, покалечить лошадей и потерять груз. Лошади инстинктивно чувствовали опасность и шли исключительно по следам, оставленным шедшими перед нами караванами в глубоком снегу на вязком грунте. Наш погонщик энергично бодрил лошадей, которые шли «гусиным шагом», высоко поднимая ноги и раскачиваясь, таким же шагом плелись и мы, тогда как татарин, почти не имея груза, так и не слезал со своего коня, боясь промокнуть почти до пояса. Но нам не оставалось ничего другого, и мы мокли, вязли и медленно двигались вперед за нашими лошадьми, ставя ноги в глубокие следы и чуть не падая от изнеможения.

К счастью, снежное поле оказалось не таким длинным, как это представлялось перед спуском. Оно тянулось не более, как на милю, но каких усилий стоило нам справиться с этим коротким расстоянием! Чтобы пересечь это глубокое поле, нам потребовалось не менее трех часов и, не будь у нас выносливых крепких лошадей и опытного надежного проводника, мы не справились бы с этим последним препятствием почти у цели... Иншалла! Богу было так угодно.

Вот мы на твердом, хотя и чуть тряском грунте, усталые, но радостные и бодрящиеся. Лошади идут уверенным шагом, и мы, пренебрегая жалостью к выручившим нас животным, взбираемся вновь на выюки. Еще часа 3-4 медленной езды под знойным солнцем, и мы, изнемогающие, добираемся до З. — большого селения с таможенным пунктом. На нас выбегает глядеть праздная толпа, но мы безразличны ко всему окружающему и хотим только спать, спать и спать... Но не тут-то было: знающий порядки наш погонщик ведет нас прямо к домику таможи и сдает со всем багажом молодому таможенному чиновнику, который вежливо, но формально начинает нас расспрашивать на ломаном французском языке, усиленно добываясь, не имеется ли «double fond»* в наших чемоданах. Я сейчас же, к его радости, перехожу на персидский язык и уверяю, что у нас нет почти ничего, кроме платья. Тем не менее, невзирая на персидский язык и упоминание о моем прошлом в Персии, чемоданы не только осматриваются, но и выстукиваются с целью обнаружения двойного дна для провоза ценностей... Пропал былой престиж России в Персии, когда консульское звание «великой Российской державы» было магическим для оказания его носителю со стороны власти всяческого внимания и предупредительности. Видимо, и персидские чиновники понабрались дешевой смелости для того, чтобы дразнить израненного русского медведя!

Молодой чиновник насладился своим новым положением всласть, подвергая нас, изнемогающих от усталости, разным неприятным и глупым вопросам. Наконец, мы были отпущены, и в наше распоряжение была предоставлена довольно чистая комната в домике около таможи, владелец которого взял с нас, как за ночлег.

* Двойное дно (*фр*-)

Мы немедленно расположились спать на циновке, не распаковывая наших спальных принадлежностей, лишь переодевшись в сухое белье и платье. Увы, наш переход по снежной долине по колено в талом снегу не прошел нам даром, и по сие время и я, и жена пользуемся от времени до времени разными целебными

источниками то в Японии, то в Корее, борясь с приступами ревматизма.

На другое утро, подкрепившись тем, что можно было достать в деревне: яйца, овечий сыр, кислое молоко вроде нашей простокваши, лепешки, — мы распрощались с нашим спасителем-проводником и стали готовиться к составлению нового каравана для дальнейшего пути в Баджгирон в сопровождении примкнувшего к нам опять татарина.

Из разговора с таможенником и местным полицейским начальником, говорившими о нас по телеграфу с Баджгироном, мы поняли, что ввиду нашего нелегального приезда без паспортов и виз, мы находимся если не под арестом, то под наблюдением; что, строго говоря, нас нужно было бы отправить обратно, но что нам все же дают разрешение проехать до Баджгирона в сопровождении двух конных туфенччи (вооруженных ружьями), где власти распорядятся, как с нами поступить. Слова эти, однако, не произвели на нас большого впечатления: мы знали, что в Баджгироне стояли англичане, которых мы считали теперь всемогущими в Иране и стремились под их защиту и покровительство. Это было нашей ошибкой: надеясь на англичан, не следовало игнорировать персов, набравшихся смелости в отношении пострадавших от войн людей.

Перед выступлением из З. нас предупреждали, что, хотя дорога до Баджгирона и торная, нам придется преодолеть еще одно препятствие. «Что такое? — спрашиваем. — Опять снежная долина или разбойники? Но последние нам не страшны — мы едем под правительственной охраной двух туфенччи». Отмахиваются: «Туфенччи вам не помогут, вам придется иметь дело не с разбойниками, а разбойницами». Мы думали, что над нами смеются, пугают, однако и наш татарин подтверждает, что на полпути каравану придется идти через «цыганскую» деревню, где мужчины работают, а женщины властвуют, собирая дорожный выкуп с проходящих через деревню путешественников. Все советуют нам запастись достаточным количеством мелкой серебряной монеты и не иметь на виду ничего такого вроде колец, часов и т.п. Нам просто не верилось, чтобы караван из четырех мужчин и одной отважной женщины, так как жена моя не из робкого десятка, мог опасаться кучки деревенских баб! На всякий случай я приготовил горсточку мелкого русского серебра, нам уже не нужного, расходовать же небольшой остаток персидских денег нам очень не хотелось, а в отношении колец и часов мы не приняли никаких предосторожностей.

От З. до Баджгирона, насколько помнится, около 10 миль. Дорога легкая, и мы прошли первую часть пути довольно быстро. Не доезжая деревни, раскинувшейся по крутому берегу реки, вдоль которой мы шли, мы получили от нашего проводника инструкции: ни в каком случае не спешиваться и двигаться как можно быстрее, понукая и погоня лошадей, для чего он вручил нам по гибкому длинному хлысту. Хлысты, впрочем, намгодились не столько для лошадей, сколько как оружие против нападающих. Впереди пока все было спокойно, деревня как будто вымерла. Но вот залаяли повсюду собаки и, откуда ни возьмись, высыпала пестрая шайка из 25-30 женщин. Это были здешние пешие амазонки! Они не имели ничего общего с общеизвестным типом закутанной в чадру пугливой персидской женщины. Лица их были открыты и головы повязаны платками на манер нашего повойника; одеты они были в разноцветные ситцевые юбки и белые не то рубахи, не то кофточки; на ногах у них не было никакой обуви; грудь и шея были покрыты разными дешевыми ожерельями, монистами. По внешнему виду они напоминали курдских женщин и цыганок... Завидя нашу кавалькаду, толпа эта вышла на дорогу нам наперерез. В то же время мы обнаружили, что наша конная охрана, отделившись от нас, стала объезжать деревню по кособоку, бросив нас троих на произвол судьбы. Проводник наш тоже куда-то скрылся. Как мы потом узнали, охрана — по договору ли с амазонками, по трусости ли — обычно придерживается такого образа действий, оставляя путешественников на произвол судьбы и предоставляя им самим справляться с бандитками.

Мы подстегиваем лошадей и рысцей идем на банду. Нам подаются знаки остановиться, но нет — мы продолжаем трусить и врзываемся в толпу. Татарин на своем иноходце быстро забирает вперед, но он не интересуется испуганными баб. Главное внимание их обращено на нас. Все же он служит нам клином, расчищая дорогу. Бабы — одни хватают лошадей за поводки, другие стараются стащить нас с выюков и сорвать кольца с пальцев. Чтобы ослабить пыл атакующих, я бросаю за спину горсточку русского серебра. Маневр удачен — бабы оставляют нас и бросаются собирать деньги. Мы пользуемся моментом и быстро продвигаемся вперед. Но обман обнаружен, русские мелкие деньги и им не нужны. С криками они бросаются вновь за нами, но, не давая им достигнуть нас, я бросаю еще несколько мелких монет. Нахлестываем лошадей, и вот мы вне деревни. Вслед нам летят камни, куски застывшей грязи, проклятия. ... Но мы скачем и присоединяемся к татарину.

Скоро как бы из-под земли появляется проводник, а за ним и туфенччи. Я раздражаюсь упреками по их адресу, на которые они плохо реагируют, оправдывая свое поведение нашим удачным прорывом: будь они с нами, неминуемо пришлось бы остановиться, платить денежный выкуп и, может быть,

распрощаться с кое-какими ценностями, так как «сбор» с путешественников освящен обычаем и им не было бы житья в будущем, если бы они помешали бандиткам сорвать с нас приличный выкуп. Мне пришлось, однако, слышать, что сами туфенччи заинтересованы в этом сборе, получая известную часть его. На этот раз они воздержались, может быть, потому, что видели во мне человека, хорошо знакомого с Персией и ее обычаями и говорящего с ними на их родном языке, а может, и потому, что действительно мы производили впечатление неимущих.

Дальше все идет как по маслу, и через один-два часа пути мы в Баджгироне. Проводник хочет вести нас к представителю местной власти, но я настаиваю на том, чтобы идти прямо в расположение английского отряда.

Капитан Бленор, не выпуская из глаза монокля, приветливо встретил нас и, узнав во мне старого знакомого по Ташкенту, немедленно предлагает остановиться у них в лагере.

Нам отвели пустую палату лазарета, где были примитивные, сколоченные из досок кровати с набитыми ватой подушками. На лучшее помещение в лагерной обстановке мы и не рассчитывали, да и пользовались мы им только ночью, столуясь с группой офицеров и проводя день большей частью на воздухе.

Экспедиция Центросоюза, перешедшая границу легально, с персидскими визами на паспортах, пришла в Баджгирон дня за два-три до нашего приезда, но общения с нею мы избегали, дабы не встречаться с Фуксом и не навлечь на Центросоюз обвинения в содействии нашему побегу.

Несмотря, однако, на исправные, визированные персидским консулом в Асхабаде паспорта, центросоюзцы не могли двигаться далее в Мешхед до получения разрешения на проезд от английского военного командования. Вскоре пришел благоприятный от вет для начальника экспедиции Б. и его помощника В., Фуку же было отказано в разрешении под предлогом немецкой фамилии, и он немедленно вернулся в Асхабад. Его отъезд был нам очень на руку, так как мы могли воспользоваться свободными местами в экипажах Центросоюза.

Местные персидские власти были очень настроены против нас за то, что мы уклонились от свидания с ними и дачи сведений о себе общего характера. Наши английские хозяева считали это излишним, принимая нас как бы под свое покровительство, силу которого мы несколько переоценили и испытали в пути до Мешхеда немало неудобств, не говоря уже о том, что мы опять шли до Кучана под персидским конвоем.

В Кучане местный губернатор, еще очень молодой человек, долго ломался над нами, грозил вернуть на персидскую границу и подчеркивал как нелегальность нашей поездки, так и желание проникнуть в страну без ведома ее хозяев. Но как ни напускал он на нас страху, английское покровительство было все же нашим козырем и, прожив дня два в кучанском отделении Центросоюза, мы получили разрешение следовать далее в Мешхед с поджидавшей нас экспедицией Центросоюза.

Еще в Кучане я получил телеграмму от нашего генконсула в Мешхеде Н.П. Никольского с предложением гостеприимства. Прибыв в Мешхед и остановившись в громадном загородном помещении Центросоюза, мы решили, что до выяснения нашей дальнейшей судьбы нам предпочтительнее проживать в Центросоюзе, чем беспокоить семью Н.П. Никольского, считавшего, что консульство стоит перед перспективой неминуемой скорой ликвидации. Неудобством Центросоюза была его удаленность от центра города, но при Центросоюзе остался один из экипажей в две-три лошади, что давало возможность постоянного сообщения с городом.

В один из ближайших по прибытии в Мешхед дней я посетил начальника великобританского экспедиционного отряда в Персии генерала Маллисона. Он расспрашивал меня о Туркестане и высказывал сожаление, что из-за неорганизованности белых сил, переоценивших размер помощи сравнительно небольшого, состоявшего исключительно из туземных войск английского отряда, не удалось освободить Туркестан от советской власти. Из его слов видно было, что англичане считали свою роль в северо-восточной Персии законченной, и сам генерал Маллисон уезжал вскоре в Англию, передавая командование отрядом генералу Андре. В Мешхеде мы встретили старого знакомого по Ташкенту полковника Савицкого, бывшего воспитателя Алексеевского кадетского корпуса и с начала войны начальника Ташкентской школы прапорщиков, подготовлявшей офицеров в четыре месяца. Савицкий был ловкий человек авантюрного типа. В начале революции он бежал в Асхабад, где тогда было белое правительство, а оттуда перебрался в Мешхед, где предложил английскому командованию проект формирования офицерской роты, во главе которой он становился. Мне передавали, что рота, на содержание которой были отпущены средства, обмундирование и продовольствие, не оправдала возлагавшихся на нее надежд и скоро распалась, а Савицкий остался без дел в Мешхеде, имея кое-какие деньги, не рассчитывая на заработок, да и не добываясь его. Недолголюбимый англичанами, он стремился уехать в Европу и перейти в ближайшее беженское отделение, надеясь, что его вывезут вместе с другими беженцами на счет англичан. Вместе с нами он попал в Индию, где уже после нашего

отъезда на Дальний Восток умер от какой-то болезни.

В Мешхеде же я встретился с бывшим начальником русского отряда из двух семиреченских казачьих полков полковником Гушиным, не вернувшимся в Россию вместе со своими «красными» казаками, основательно ожидая репрессий с их стороны. С одним из своих офицеров, есаулом Янцыным, он, приобретя несколько лошадей и фургонов, организовал небольшой транспорт и обслуживал по подряду английский отряд. Познакомившись с ним, я был поражен его совершенной глухотой. Как он мог командовать казачьей бригадой с таким резко выраженным физическим недостатком?

Я говорил уже, что наше генеральное консульство доживало последние если не дни, то месяцы. В таком же положении находилось и местное отделение Учетно-ссудного банка Персии, находившееся в периоде ликвидации. Видно было, что мне нечего было делать ни в Мешхеде, ни вообще в Персии. Между тем, приходилось думать об изыскании средств к существованию, так как на свой подробный рапорт Б., поверенному в делах в Тегеране, я, несмотря на наше личное довольно близкое знакомство по Туркестану и тесное сотрудничество, не получил никакого ответа, и лишь Н.П. Никольский сообщил мне, что он внесет предложение Б. выдать мне небольшое пособие. Видно было, что до нас никому не было дела (каждый думал лишь о себе, спасая свою шкуру) и что мы являлись скорее обузой для своих бывших товарищей — более счастливых сослуживцев, избежавших ужаса революции, террора и лишений. Я, впрочем, далек от обвинения кого бы то ни было, понимая, что и им приходилось переживать необычные обстоятельства и стать лицом к лицу с неопределенным тревожным будущим.

В это трудное время мне предложил работу представитель фирмы братьев Нобель в Туркестане П., которого я знал в Ташкенте. Он тоже бежал из Туркестана, но деловых связей не потерял и собирался ехать для восстановления их в Лондон. Я должен был состоять при нем в качестве переводчика. Предложение казалось вполне удовлетворительным, давая мне и жене бесплатный проезд в Европу, полное содержание до Лондона и небольшое вознаграждение. В Лондоне моих услуг уже не требовалось, и я должен был получить там расчет и искать новую работу. Правда, мешхед-ский опыт уже научил меня, что на чье-либо содействие рассчитывать не приходится, но, оптимист по натуре, я надеялся, что хуже не будет и удастся как-нибудь устроиться.

Отъезд в Индию, где я должен был ожидать П., предстоял не ранее как через месяц, и в ожидании, не имея уже ни копейки и только пользуясь столом и помещением в Центросоюзе как бывший служащий, я для карманных денег взялся, по рекомендации бывшего персидского консула в Туркестане, за уроки по всем предметам в семье богатого персианина, жившего до революции в Ас-хабаде, где его два сына обучались в гимназии, а теперь бездельничали в Мешхеде, забывая, что знали. Нелегкая была это работа, ежедневно из-за нескольких монет вбивать всякие науки в головы двух, к счастью, послушных и неглупых мальчуганов. Приходилось скакать на одной из Центросоюзных лошадей в город к 9 часам утра, проводить за уроками три часа и в полдень скакать обратно. Уроки продолжались до самого нашего отъезда в Индию.

Я должен оговориться, что мое условие с П. не предусматривало путешествия на его счет из Мешхеда до Кветты — пункт, где мы должны были встретиться и где заранее наши английские друзья и доброжелатели нам обещали пропуск в Индию с одним из транспортов, связывавших по английскому военному шоссе Мешхед с Дуздабом, конечной станцией проложенной во время войны линии Кветта — Нушки...